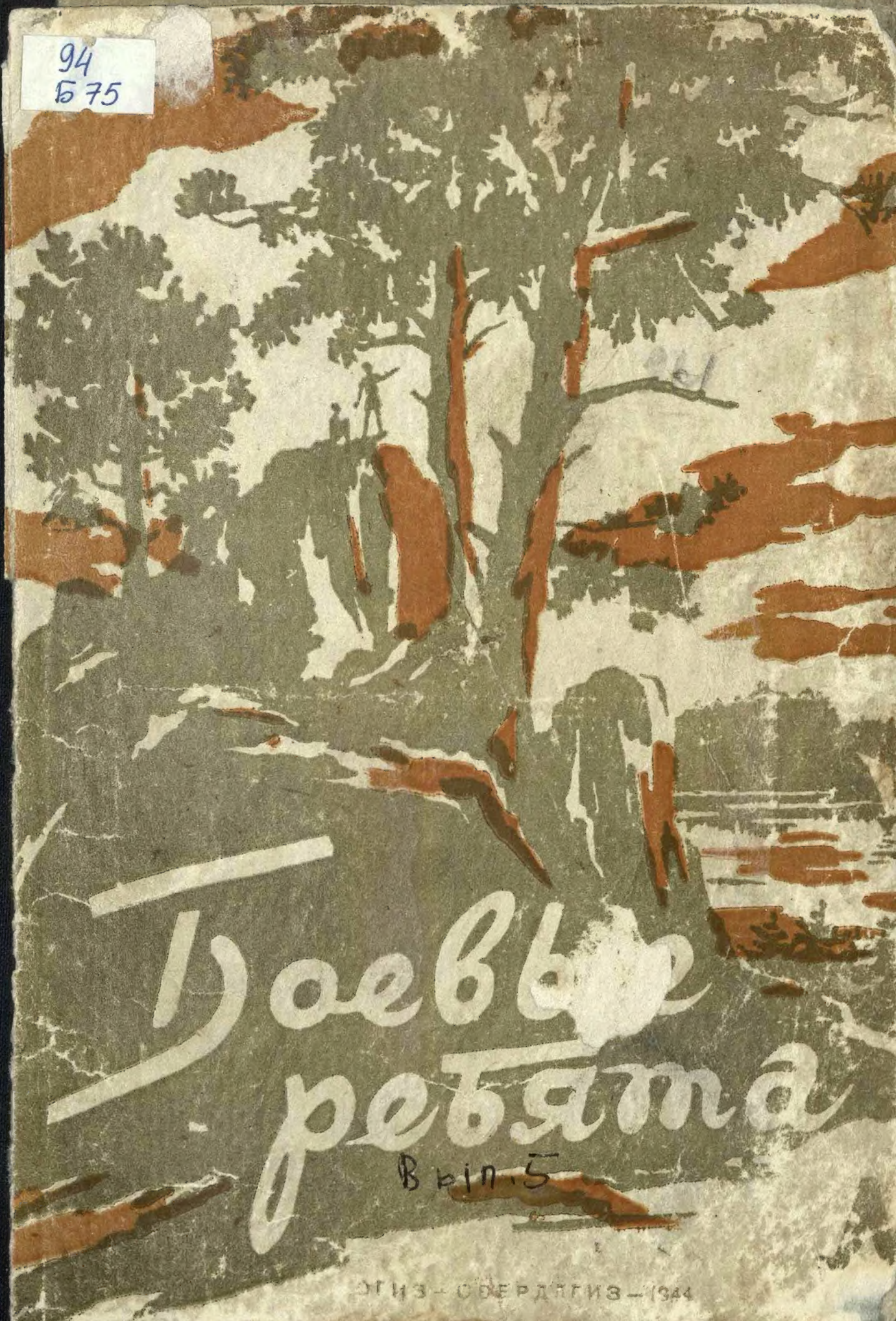
94
Б75



Боевые ребята

Вып. 5

ОГИЗ — СВЕРДГИЗ — 1944

СО 2016

124391 - ОХ

~~94~~
Б 75

Боевые ребята: альманах для семьи и школы. ~~Вып. 5.~~
1944
4.00 р.

Взсб-ка 11.03.16

124391

СОБД и Ю
Отдел хранения

ДЕЛОВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск пятый

94
Б 75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

241

альманах
для семьи и школы

Выпуск пятый

124391

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

ОГИЗ
СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

Редактор-составитель
К. Рождественская
*

Подписано в печать 20/XI 1944 г.
Печ. л. 6¼. Уч.-изд. л. 8,14.
Формат 70×92/16. Тираж 10000.
НС 32997. Цена 4 руб.
*

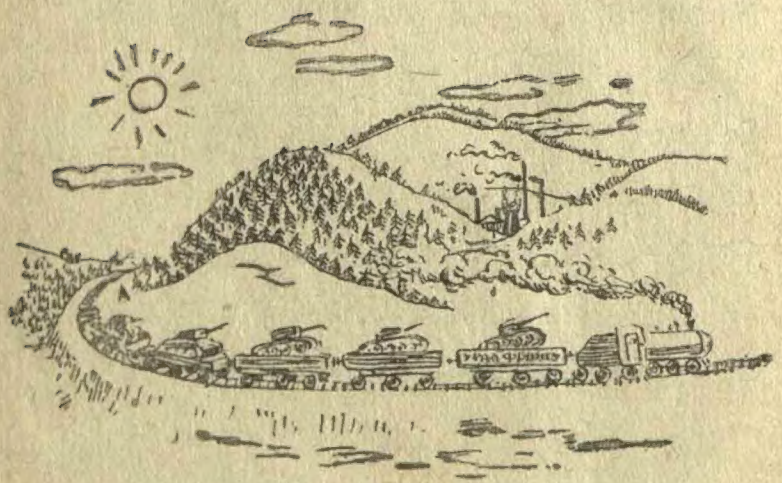
5-я типография треста
«Полиграфкнига» Огиза при СНК
РСФСР. Свердловск, ул. Ленина,
47. Заказ №1016.

Про войну

Константин Мурзиди

Коробка с кра́сками и кисти
Лежат передо мной...
Что рисовать: на ветке листья
Или ручьи весной?
Я все рисую постепенно,
Но раз теперь война,
То и картина непременно
Военной быть должна.
Бойца в землянке, флаг на танке
Не раз я рисовал,
Хотя ни в танке, ни в землянке
Я сам и не бывал.
Я рисовал одно и то же.
Сейчас не так начну.
Но раз война теперь, то все же
Придется про войну.
Я синей краской дам просторы,
Леса — зелёной, чёрной — горы,
А белой — облака.
Под ними дым — полоской тёмной
И огоньки — над жёлтой домной,

Над той, что башнею огромной
Видна издалека.
Мелькает кисть... еще немного —
В ковшах сверкнула сталь.
Еще мазок — видна дорога
И поезд мчится вдаль.
Где надо полосы, где пятна —
Умело подобрал,
А чтобы стало всем понятно
Я подпишу: „Урал".
Я поднесу картину эту
Сюда к окну — поближе к свету
И с радостью взгляну:
Землянок нету, пушек нету,
А вышло про войну!



Людмила Младко

НАША ЭЛЬКА

Рассказ

I

Это было в одном детском доме.

Самой маленькой в этом доме была пятилетняя девочка по имени Элька.

Элька в большом доме ничего не боялась. Она знала как свои пять пальцев расположение всех комнат и всех закоулков в коридорах, и хотя на кухню ребятам бегать не полагалось, Элька и на кухне побывала, чтобы посмотреть, как толстый повар в белом колпаке помешивает огромной ложкой в огромной кастрюле. Элька очень любила всё большое!

Эльку в детском доме все любили. Это была девочка смелая, находчивая и очень деятельная. Она всегда сама придумывала себе какое-нибудь занятие и никому не докучала собой. Доводилось ей не раз и ушибаться и падать, например, на широкой лестнице; покрытой бобриковой дорожкой; но, ударившись, Элька почти никогда не плакала. Вздохнув, она усаживалась тут же на ступеньке и принималась сосредоточенно растирать ладошкой ушибленную коленку. А потом, прихрамывая, бежала дальше.

Такова была Элька.

На Новый год в детский дом из Москвы всегда присылали несколько ящиков с подарками. Прислали подарки и в год перед войной.

Когда в зале для игр зажгли новогоднюю ёлку, она была так густо увешана ёлочными украшениями, что просто не верилось, что эта ёлка была недавно обыкновенным деревом в лесу; и похоже было на то, что она выросла в магазине игрушек.

Лучший новогодний подарок и в этом году, как всегда, ребята отдали маленькой Эльке.

— Закрой глаза, Элька,— сказали ребята,— а теперь открой их...

— Кукла! — закричала Элька. Но она закричала потому, что это была очень большая кукла.

Большую краснощёкую куклу, с льняными косичками, в платьице, штанишках и даже лифчике Элька обеими руками прижала к себе и серьёзно спросила ребят:

— Это мне Сталин подарил?

— Ну, ясно,— ответили ребята.

— Спасибо,— сказала Элька и даже покраснела от радости.

— Я сейчас стихотворение сочиню,— сказала Элька.

И немного задумавшись, но нисколько не смущаясь, она вышла на середину зала и, держа большую куклу за талию, как подружку, обвела всех блестящим, взволнованным взглядом. Ребята стояли вокруг и улыбались.

— Сейчас,— сказала Элька,— только не смешите меня... Дорогой товарищ Сталин,— начала девочка так звонко, как будто рассчитывала, что голосок её будет услышан в Москве.— Дорогой товарищ Сталин, я тебя люблю! — Она помолчала и добавила: — Дальше я пока ещё не знаю.

Все захлопали в ладоши, а Элька побежала показывать свою куклу другим девочкам.

И вот эта самая кукла стала любимейшим существом для Эльки. Девочка её кормила, причёсывала и водила гулять. Время шло, и имена у куклы менялись, сначала она называлась Машей, потом Светланой, Тамарой, но ручки, ножки и нос, несмотря на то, что время шло, у неё оставались на месте. Девочка обращалась с куклой строго. Она редко брала её на руки и никогда не укачивала, как делают другие девочки, а сажала перед собой на коврик и учила:

— Пей молоко, оно питательное. Будешь толстенькая, здоровенькая.

Элька была верным другом своей кукле, и если девочке приходилось оставлять её надолго одну, то, вбегая в комнату, она гладила льняные волосы и спрашивала:

— Соскучилась?

Но вот в городок, где был детский дом и где жила Элька, пришла война и скоро на него стали падать немецкие бомбы.

Однажды вечером в детский дом явились красноармейцы и сказали, что надо увезти детей подальше от линии фронта.

Ночью к детскому дому подъехали две машины. Ночь была тёмная и казалась ещё темнее от того, что в небе то и дело вспыхивали красные зарницы, словно невидимая игла беспрерывно строчила в воздухе, делая огромные огненные стежки. Это стреляли наши зенитные орудия.

Ребят одели потеплее, потому что машины были открытые.

— Всё готово? — спросили красноармейцы,— надо успеть на вокзал к отходу поезда.

— Всё,— сказала заведующая детским домом,— можно ехать.

Одна из машин тут же тронулась в путь, а вторая замешкалась, потому что в неё должны были погрузить продукты для ребят. Заведующая детским домом вдруг забеспокоилась:

— А Элька? — спросила она, оглядываясь в темноте по сторонам,— почему я не вижу среди ребят маленькой Эльки?

— Да она же уехала на первой машине,— сказала молоденькая воспитательница, тётя Надя.

— Вы уверены в этом? — спросила заведующая.

Вместо ответа тётя Надя бросилась в дом.

— Скорее, товарищи,— сказал один из красноармейцев и посмотрел на ручные часы со светящимся циферблатом,— мы можем опоздать, и эшелон уедет без нас.

И он тут же сам побежал в дом вслед за воспитательницей. Он осмотрел все комнаты в первом этаже и во втором, заглянул даже на кухню, но девочки нигде не было. Дом был пуст. На лестнице он столкнулся с запыхавшейся тётей Надей.

— Конечно же Элька в первой машине,— сказала тётя Надя,— наша заведующая всегда придирается.

— В такой темноте немудрено...— хотел что-то сказать красноармеец, но в это время шофёр с улицы дал четыре коротких гудка, означавших, что до отхода поезда всего четверть часа.

Машина бесшумно снялась с места и уехала в ночь.

Когда Элька вышла на крыльцо, она увидела ночь, пустую улицу и вздрагивающее от далёкой артиллерийской перестрелки небо.

— Ребята! — позвала Элька,— тётя Надя!

Ночь ответила:

— Ребята!

— Тётя Надя!

И снова стало тихо.

— Вот тебе раз,— сказала Элька.— Уехали.

Девочка стояла на крыльце, заботливо одетая тётей Надей потеплее, и держала на руках большую куклу, укутанную в одеяльце и похожую как две капли воды на спящего годовалого ребёнка. Разве могла Элька оставить своего друга в пустом доме? Разве виновата была Элька, что кукольное одеяльце завалилось под кровать?

Девочка положила куклу на ступеньку крыльца и сама села рядом.

— Чок, чок, чок...— чокали тут и там о камни мостовой осколки снарядов. Где-то на окраинах города шёл воздушный бой. С горизонта в небо поднимались длинные голубые лучи прожекторов, скрещивались и расходились, как мечи.

Элька вздохнула, заботливо подняла с крыльца куклу и прижав её к себе, пошла обратно в дом.

На кухне было ещё тепло, потому что плита не совсем остыла после обеда.

Элька уснула, прислонившись боком к тёплой плите.

Если бы Элька, пригревшись возле тёплой плиты, не спала так крепко в эту злополучную ночь, она видела бы как на рассвете по улицам города шли красноармейские части, быстро ехали машины с грузом, покрытым брезентом, ползли танки, громыхали телеги... К полудню, когда проснулась Элька, в городе уже наступила странная тишина, полная беспорядка и печали, как в доме, из которого ушли истинные его хозяева. Улицы были пустынны, не подметены и словно прислушивались к чему-то.

Элька вышла на крыльцо и тоже прислушалась. В тревожной тишине пустых улиц отчётливо слышалась лихорадочная трескотня приблизившейся стрельбы.

Вечером в город вошли немцы.

II

Вторую ночь Элька ночевала в пустом доме. Плита уже остыла и было холодно, но зато в духовке девочка нашла противень, на котором лежали забытые поваром сухари.

— Ешь,— говорила Элька кукле, разламывая сухарь на две половинки,— если будешь плохо есть, будешь худая, как спичка.

Поев сухарей, они уснули, и Элька во сне крепко прижимала к себе негреющее кукольное тельце.

Наступило утро. С шумом распахнулась парадная дверь, и неизвестный чужой человек крикнул снизу грубым голосом:

— Хальт! Кто есть в дом?

Грубый окрик гулко отозвался в пустых комнатах. Но на него никто не ответил.

Немецкий солдат пошёл по широкой лестнице, покрытой бобриковой дорожкой, держа в вытянутой руке револьвер и стреляя в стены и потолок. По виду в доме было пусто, но непрошеный гость боялся и пустоты.

— Выходи! — кричал он неизвестно кому.— Я буду тебя прощать.

Немец был страшно весел. Его широкое лицо под металлической каской было красно, как ошпаренное, и он немного шатался и хватался рукой за перила лестницы.

Элька наблюдала за ним снизу, приоткрыв дверь кухни.

Он прошёл все комнаты, как медведь, и оттуда доносился грохот раскиданных его сапогом табуретов и стульев. Слышно было, как наверху он ругался и разговаривал сам с собой. Через несколько минут его грузная фигура с винтовкой на плече и револьвером в руках снова показалась на лестнице. В зубах немец держал, как собака, кусок копчёной колбасы и на ходу дожёвывал её.

Элька была смешлива. Вид немца с колбасой в зубах показался ей очень забавным. Она вышла на лестницу и остановилась, глядя на него снизу вверх выжидательно и с любопытством.

Немец вдруг увидел на лестничной площадке маленькую девочку, которая держала за талию, как подружку, большую, ростом с годовалого ребёнка куклу.

— Стой! — крикнул немец, быстро поднимая револьвер.

— Я и стою,— сказала Элька.

— Чей это дом? Где твой родитель? Кто тут есть? — быстро спрашивал солдат, злыми глазами глядя на девочку и осторожно спускаясь вниз.

— Не бойся,— сказала Элька,— никого нет. Это наш дом.

Немец непонимающе посмотрел на ребёнка и вдруг снисходительно усмехнулся.

— Глупый девчёнка,— сказал он,— я не боится, а мне надо знать. А ну, пусти прочь с дорога...

Элька миролюбиво посторонилась.

— Как ты очутился сюда? — спросил немец, насмешливо глядя голубыми глазами на крохотную фигурку Эльки.— Тебя здесь бросаль одного? Ай-ай! Теперь в вашем городе немецкий сольдат есть господин. Ты понималь, девчёнке?

— Всё из-за неё,— сказала Элька, кивая на куклу,— раскапризничалась, не хотела одеваться: пока я её закутывала, машина-то и уехала.

Немец расхохотался. Он смотрел на Эльку, на куклу... потом взгляд его задержался на кукле, и он весело свистнул.

— Ну, не будь злюка,— улыбнулся он Эльке,— и подари мне эта кукла для моей маленький дочка. А ну, хорошо?

— Дарёного не дарят,— бойко сказала Элька, которая за словом в карман не лезла.

— Фюить! — свистнул удивлённо немец.— Ты не хочешь дарить! Ну, вот видишь у меня есть ружье. Я могу стрелять тебя, и ты будешь падать мёртвый. Ну?

— Мне эту куклу Сталин подарил,— строго сказала Элька.

Немец мгновенно переменился в лице.

— Молчать! — закричал он, вдруг перестав улыбаться и с силой толкнул Эльку в грудь.— Я покажу тебе как шутить над немецкий сольдат! Ты есть отребье перед немецкий сольдат. Урод! Я убивал такой ядовитый урод, убивал, как собака.

Но Элька не испугалась. Губы её задрожали, но не от страха. Эльку первый раз в жизни обидели.

— Ты сам урод, — сказала Элька,— сам собака.

И в это мгновенье острая боль обожгла элькино плечо. Она услышала грохот выстрела, но была так сердита и так обижена, что даже не вскрикнула, а только опустила руки, выронила куклу и упала на бобриковую дорожку лестницы.

III

Немцы заняли лишь несколько улиц в городе. На его окраинах продолжались упорные бои. К вечеру наши красноармейские части получили подкрепление, и город снова перешёл в руки советских войск.

С молодецким ура, гремучим и перекатным, как морской прибой, въехали в город красные конники, неся выгоревшие от дождей и солнца победные боевые знамёна. И снова ожили улицы, заговорили под копытами коней мостовые, в домах распахнулись окна — словно очи открылись! Город как бы пробудился от дурного сна! Бледные, но счастливые вышли из подвалов и чердаков на улицы жители города и, не боясь коней, ещё трепетавших и потных, с блуждающими глазами после недавнего боя, подходили к бойцам, останавливали их, обнимали колени их; целовали пыльные стремена... И бойцы соскакивали с коней и смотрели в улыбающиеся и плачущие незнакомые, но родные лица, и получилось так, что на главной улице города некоторое время нельзя было ни пройти, ни проехать из-за столпившихся в радостной, горячей, единой массе коней, орудий, бойцов и мирных жителей.

Наши войска взяли у немцев много трофеев и пленных. У одного из пленных немцев, среди награбленных вещей, нашли большую куклу в рост годовалого ребёнка. Она была в платьице, штанишках и даже лифчике. Командир, допрашивавший пленного, нахмурился.

— Где вы взяли эту куклу? — спросил он.

Немец замялся.

— Вы отобрали её у какого-нибудь ребёнка?

Немец сказал, что не помнит.

— Припомните,— сказал командир.

Через полчаса был послан вестовой на ту улицу, которую указал немец. Детский дом красноармеец нашел без труда, это был лучший дом на всей улице. Но Эльки в детском доме не оказалось. Куда она исчезла? Этого никто не знал.

С грустью посмотрел командир на большую куклу, которую принёс обратно красноармеец, посадил её, как ребёнка, на чёрный кожаный диван, стоявший в углу и, вздохнув, наклонился над своими бумагами.

А кукла так и осталась сидеть на диване у командира.

IV

Между тем в детском доме не забыли об Эльке.

Когда в глубокой темноте осенней ночи детей спешно погрузили в вагоны и поезд тронулся, сразу обнаружилось, что маленькой Эльки нет. Ребята так расстроились, что наотрез отказались от еды, девочки плакали, а мальчики наперебой предлагали разные планы розысков, один интереснее другого. Молчала только одна тётя Надя. Заведующая сгоряча накричала на неё, сказала, что вот как только приедут куда-нибудь, тётю Надю сейчас же отдадут под суд, потому что это неслыханно забыть живую девочку, да ещё к тому же из своей группы! Тётя Надя и на это ничего не сказала. А когда все легли спать, она завязала в косынку немного хлеба и яблоков и на первой же остановке, ночью, на станции, названия которой даже не знала, сошла с поезда и пешком по рельсам повернула назад.

Тревожна и сурова настороженная военная ночь на земле! Тихо в тёмном и пустынном поле, но тишине этой нельзя довериться: здесь прифронтовая полоса. Неподалеку отсюда идут бои, решающие судьбу этих полей, которые пока не наши и не вражеские: ничьи... Только птицы перелетают свободно эти пространства, а тётя Надя идёт с опаской и прислушивается и оглядывается по сторонам и старается не кашлянуть громко. А вдруг в том лесу, что еловой оторочкой чернеет вблизи спрятался вражеский разведчик-парашютист? Или немецкий изголодавшийся дезертир? Не поздоровится от них тёте Наде! Но вот странное дело — совсем не о себе думает в этот час молодая воспитательница.

— Если я успею в город к рассвету,— думает тётя Надя,— я ещё может быть застану Эльку там, где я её оставила. Она девочка умная и не уйдет ночью из дома. Но надо итти быстро-быстро...

И тётя Надя ускоряет шаги.

Женщина шла всю ночь, не останавливаясь.

Только один раз на ходу она развязала косынку и съела кусок хлеба и яблоко. Когда рассвело, она свернула с железнодорожной ветки и пошла лесом, оврагами, околицами, чтобы не встречаться с людьми. Это удлинило её путь. Кроме того, днём было итти труднее. Пошёл сильный дождь, и тётя Надя промокла до нитки. Ноги её по колено были в грязи, она вся дрожала от озноба.

Как ни торопилась тётя Надя, как ни сокращала время привалов и отдыха вторая ночь застала её ещё в дороге. Обессиленная, она свалилась возле высокой сосны и сама не заметила, как уснула. Проснулась она в сумерки.

На небе не было ни тучки. В просветах между деревьями тётя Надя увидела синеющее вдалеке незнакомое озеро и над ним первую вечернюю звезду.

— Я проспала в лесу целый день!— ужаснулась воспитательница. Но горевать об этом было уже поздно. Внимательно оглядев окружающую местность тётя Надя пошла по лесной тропинке, на запад, так быстро, как только могла.

Утром следующего дня в штаб привели женщину. Она была оборвана, бледна

и дрожала от озноба. Женщину задержали на мосту. Часовому, молодому красноармейцу, показался подозрительным её взволнованный вид: женщина перешла линию фронта, не имея на то разрешения. Когда проверяли её документы, она умоляла не задерживать её, всё говорила про какую-то девочку...

— Детей эвакуировали из города,— сказали ей в штабе.

— Да, но в детском доме осталась одна маленькая девочка Элька, из моей группы! — говорила тётя Надя.

— Неправда,— ответили ей,— детский дом, про который вы рассказываете, пуст. Там никого не было и дом опечатали.

Тётя Надя всплеснула руками.

— Значит, Элька ушла! — и воспитательница заплакала.— Потерялась девочка, что с ней теперь будет? Это я виновата.

— Хорошо,— сказали тёте Наде,— не плачьте. Мы проводим вас к командиру. Расскажите ему всё.

Когда молодую женщину, в сопровождении красноармейца, ввели в кабинет командира, она повела себя ещё более странно. Неподвижно остановилась на пороге, потом вскрикнула и, не обращая ни на кого внимания, подбежала к чёрному кожаному дивану и бросилась перед ним на колени.

— Она здесь! Я нашла её! — смеялась тётя Надя, прижимая к груди, как ребёнка, большую куклу, важно сидевшую на кожаном диване.

— Я вам сейчас всё, всё расскажу,— повернулась тётя Надя к командиру.— Но ведь она здесь, Элька, где-нибудь здесь, правда? Это же её кукла. Я сейчас объясню вам, как это было...

— Не нужно,— сказал командир и положил руку на плечо тёти Нади.— Вот как это было.

И вздохнув, он рассказал воспитательнице о том, как кукла попала в его кабинет.

— Пленный утверждал, что не знает — убил ли он девочку или только ранил, но он стрелял на таком близком расстоянии, что, очевидно...— Командир не договорил.

— Но если он её только ранил? — горячо воскликнула тётя Надя,— ведь может же быть и так, что он её только ранил! Тогда...

— Дорогой товарищ Надя,— сказал командир,— я очень хочу, чтобы маленькая Элька была жива. Я всё это время думал о ней. На Украине, в родном селе, у меня остались жена и дочка. Шурёнкой зовут дочку. В этом году в школу пошла бы, если бы не немцы.

Тут тётя Надя в свою очередь робко положила руку на плечо командира.

— Дорогой товарищ командир,— сказала она,— не смейтесь над тем, что я вам скажу. Не такова наша Элька, чтобы умирать из-за какого-то немца! Она жива. Мы непременно её найдём!

Командир улыбнулся.

— Пусть будет по-вашему,— сказал он,— начнём же поиски немедленно. И он взял с рычага телефонную трубку

V

Элька спала уже вторые сутки.

Если бы девочка по временам не двигала головой и не стонала, можно было бы подумать, что у неё глубокий обморок.

Раненые бойцы подходили к окнам, смотрели на косо летящие снежинки и думали о маленькой девочке, которая, вероятно, так радовалась бы первому снегу.

Кто она и откуда, этого никто не знал. Её нашли спящую неподвижно на крылечке пустого дома в тот день, когда красноармейские части отбили у немцев её родной город. Она была так слаба от потери крови, что не смогла сказать ни одного слова в ответ на вопросы красноармейцев. «Потерпи»,— попросил ее санитар, заливая рану иодом; и она кивнула ресницами в знак того, что будет терпеть. И хотя ей было очень-очень больно, она не заплакала и не крикнула, а только крепче сжала побледневшие от боли губы.

— Это смелая девочка. Будь она побольше, из неё вышел бы хороший боец,— сказали красноармейцы и бережно понесли носилки с неподвижной Элькой.

Двое раненых отошли от окна и осторожно приоткрыли дверь палаты, где лежала Элька.

— Ну, как? — спросили они тихо, глядя на спящую девочку.

— Всё так же,— ответила сестра, которая сидела на стуле возле элькиной кровати и вязала варежку.— Плохо. Одна надежда на переливание крови.

— Моя не подойдет? — спросил раненый боец, у которого рука была на перевязи.

— Вы и так много её потеряли,— ответила сестра,— кровь необходимой группы мы сегодня уже получили. Её дала женщина, ставшая донором с первых дней войны.

Однажды в тихий, зимний вечер Элька пришла в себя. Она открыла глаза и увидела большую, светлую, незнакомую ей комнату. В комнате горела настольная лампа, прикрытая абажуром, в углу, в чёрной; железной колонке голландской печки звонко; как орехи на зубах, пощёлкивали дрова; на белой стене комнаты большая тень, похожая на сгорбленную женщину, двигала спицами и вязала варежку.

— Здравствуйте, тётя,— сказала Элька слабым голосом,— а ужин скоро будет?

Сестра вздрогнула и бросила вязанье на тумбочку.

— Проснулась? — радостно наклонилась она над Элькой.— Наконец-то! Ну, теперь всё будет хорошо!

— Я видела, как ты стерегла меня, чтобы я не умерла,— сказала Элька.

Сестра улыбнулась.

— Как тебя зовут, девочка? — спросила она, целуя Эльку.

— Разве ты не знаешь,— Элька! А тебя?

— Мы ещё наговоримся с тобой, Элька,— сказала сестра, поправляя одеяло возле забинтованного плечика,— а теперь тебе надо поесть. Чтобы ты хотела съесть, Элька?

— Жареную картошку,— отвечала Элька, не задумываясь.

— Верно. Что может быть лучше жареной картошки? Лежи смирно и не вставай с постели. Я сбегаю на кухню и скоро вернусь к тебе.

И сестра бесшумно вышла из комнаты.

Вдруг дверь палаты, в которой лежала Элька, тихонько приоткрылась. На пороге выросли две мужские фигуры в длинных коричневых халатах и в шапочках-пилотках, сделанных из газетной бумаги. Один из гостей опирался на костыль, у другого была забинтована правая рука. Они стояли и смотрели на Эльку.

— Входите же, — приветливо позвала Элька.— Не стесняйтесь. Я тоже раненая.

Гости посмотрели друг на друга, засмеялись и подошли к её кровати.

— Будем знакомы;— сказал боец, который опирался на костыль.— Я танкист, по прозванию Яков. А вот это,— он указал на своего друга;— дядя Мака, пехотинец. Мы на тебя давно смотрим, а ты на нас сегодня в первый раз.

Элька засмеялась и тут же закусила губы от боли.

Когда в палату вошла сестра с полной тарелкой горячей жареной картошки, Элька, танкист и пехотинец были уже закадычными друзьями.

— Это ещё что такое? — с притворной строгостью сказала сестра, весело глядя на танкиста и пехотинца.— Вы забыли, что раненой нужен покой? Идите, идите отсюда,— и она стала выпроваживать элькиных гостей из палаты.

— Приходите ещё — сказала им Элька на прощанье.

— Есть приходить,— отвечали они,— а ты поправляйся скорее. Птице место в полёте, бойцу в строю.

В эту ночь девочка спала глубоким и крепким, здоровым сном. Ей снился даже маленький сон. Снилось ей, что она сидит в просторной и светлой столовой детского дома на своём обычном месте за длинным столом, первой, как самая маленькая, возле большой суповой миски. Ребята смеются, ёрзают на скамьях от нетерпения. Звенят ложки, от суповой миски идёт вкусный горячий пар. Тётя Надя стоит возле стола с большой разливательной ложкой в руках.

— Тише! — говорит тётя Надя,— пока не станет тихо, не буду разливать. Разве можно так шуметь за столом? Вспомните как хорошо вела себя за столом маленькая Элька, которая потерялась!

— Я не потерялась,— кричит Элька,— я в госпитале, мне хорошо, не беспокойтесь обо мне.

VI

Время шло. Эльку лечили, рана её заживала, и скоро девочка могла уже ходить по палате и смотреть в окно на красивую белую и румяную зиму.

Однажды Эльку одели потеплее и вывели на крылечко госпиталя. Ух, какое было синее небо, и какой сверкающий снег, и какой свежий, крепкий и сладкий воздух! У Элькн даже голова закружилась от всего этого, и она слегка пошатнулась и зажмурила глаза. Потом она открыла их и засмеялась. Ей захотелось вдруг прокричать что-нибудь громко, на весь двор, но она не знала, что именно прокричать и только глубоко и радостно вздохнула. Вдруг откуда ни возьмись подкатили к крыльцу новенькие еловые саночки и остановились у самых элькиных ног. Двое раненых бойцов подхватили Эльку на руки, усадили в санки и, взявшись за верёвку, дружно покатили санки по двору. На них смотрели из окон другие раненые, которым ещё нельзя было выходить на улицу, смотрели и улыбались.

Когда Элька выздоровела и от раны на её плече остался только бледный, еле заметный шрам, всем стало так жалко расставаться с ней, что порешили пока никуда её не отправлять, и она всё жила и жила в госпитале, как будто это так и надо было.

Скоро на передовые позиции должна была отправиться партия бывших раненых. Вслед за ними уходили на фронт и два лучших друга Эльки: танкист и пехотинец.

Однажды вечером они сидели все трое на подоконнике в пустом приёмном покое. За окном сыпал редкий, сырой снежок. Элька грустно смотрела в окно и думала: скорей бы кончилась война, чтобы никому ни с кем не надо было расставаться!

— А ты учись азбуке, Элька,— сказал танкист,— выучишься, напишешь нам письмо на фронт. Мы тебе ответим. Как славно-то будет!

— А это трудно — азбуке? — спросила Элька.

— Ничего трудного нет,— подхватил пехотинец,— ерундовое дело, Элька. Вот, например, буква А...

Дядя Мака вывел на запотелом стекле большую букву А. Она была похожа на воротца с перекладиной — так и хотелось нырнуть в воротца, да мешала перекладина! Элька живо нарисовала пальцем на стекле такие же воротца.

— Видишь, как легко! — весело сказал дядя Мака,— потом пойдут буквы Б, В, Г, Д. Ну, а за ними и другие потянутся. Будешь учить азбуку, Элька?

— Буду,— ответила девочка и тихо добавила,— возьмите меня с собой на фронт!

Оба друга озадаченно переглянулись. В первый раз за всё это время они увидели на глазах у смелой Эльки слёзы.

— Ну, вот, стреляная птица, а... того,— укоризненно сказал танкист,— не годится так, брат Элька!

— Ничего особенного,— возразил пехотинец, строго посмотрев на своего друга,— все хотят воевать с фашистами, вот и Элька собирается на фронт. Дело понятное. Но надо всё обсудить серьезно, обмозговать как следует...

И чтобы развеселить своего маленького товарища, они стали серьёзно обсуждать, где бы достать такие маленькие сапоги и такую маленькую шинель, чтобы они пришлись в пору Эльке, и в какую часть определить маленькую Эльку, и какое дать ей звание. Девочка оживилась, и друзья в этот вечер совсем было поссорились насчёт поездки Эльки на фронт, как вдруг дело повернулось совсем другим образом.

VII

Однажды утром тётя Надя, работающая теперь в штабе машинисткой, вошла в кабинет командира более взволнованная, чем обычно.

— Вот,— сказала она и положила на стол небольшой зелёный конверт,— прочтите это письмо.

— «Дорогой товарищ,— прочёл командир,— ваша кровь спасла жизнь маленькой девочке, тяжело раненной фашистским солдатом. Девочка поправляется и шлёт вам привет».

На конверте стоял обратный адрес — письмо было из госпиталя, который находился неподалёку, в тылу.

— Ну и что же? — спросил командир, откладывая письмо. Он ещё меньше верил теперь, что Элька жива, потому что поиски её ни к чему не привели.

Тётя Надя подошла к кожаному дивану и взяла на руки элькину куклу.

— А вот что,— сказала она и протянула куклу командиру,— пусть девочка, которой спасла жизнь моя кровь, будет хозяйкой элькиной куклы. Я напишу ей письмо. В сердце её будет жить память о другой маленькой девочке, которая... которую не удалось спасти.

Не теряя времени, они на следующий же день отправили куклу в госпиталь и в посылку вложили письмо к её новой маленькой хозяйке.

А ещё через несколько дней, в том же самом кабинете, взволнованные и счастливые, они, склонившись над столом, читали...

— «Здравствуйте, тётя Надя! Спешу обрадовать вас: вы нашли то, что искали. Элька стоит рядом с пишущим это письмо. Она прыгает от радости и чуть было не расплескала чернила в чернильнице. На руках у неё любимая кукла, которая таким неожиданным образом вернулась к своей хозяйке. Элька просит меня написать, чтобы вы приезжали сейчас же. Приезжайте скорее! Уважающий вас дядя Мака, пехотинец».

В конце письма старательным и крупным детским почерком было написано: А. Б. В. Г. Д.

Тётя Надя не выдержала и поцеловала огромные буквы.

VIII

Это было в синий ветреный день начала марта.

По широкой проезжей дороге, навстречу ветру, пахнущему весной, шли красноармейцы. Они шагали весёлые, в боевых шинелях, с вещевыми мешками за спиной. Позади красноармейцев быстро семенила маленькая Элька в стёганом ватнике дяди Маки. Бойцы уходили на фронт, и Элька провожала их. Рядом с нею шли два её друга, которым завтра тоже предстояло выписаться из госпиталя и отправиться на передовые позиции — одному в танковую часть, другому в пехоту.

Бойцы пели песню:

В бой за Родину, в бой за Сталина!
Боевая честь нам дорога!
Кони сытые, бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага!

Прохожие останавливались и смотрели на шагающих по дороге красноармейцев и маленькую девочку с куклой на руках, которая бежала сзади, стараясь не отставать от своих друзей, и улыбалась.

Вдруг легковой закрытый автомобиль, свернув с просеки, быстро помчался навстречу бойцам. Раздался протяжный рёв автомобильного гудка. Поравнявшись с красноармейцами, машина взяла правее и, глухо проворчав что-то, внезапно остановилась. Дверцы её распахнулись и...

— Элька! — зазвенел в весеннем воздухе громкий и радостный возглас.

— Держи! — крикнула Элька, быстро подавая дяде Маке куклу,— это она!

И девочка со всех ног бросилась навстречу тёте Наде.

— Эличка, Элька! — целовала тётя Надя девочку, смеясь и плача.— И всегда, всегда думала, что ты жива...

— Ну ясно, — пробормотала Элька, прижимаясь к воротнику шубы тёти Нади,— чего это я вдруг не буду жива...

И поднимая лицо, сияющее радостью и волнением, она сказала, широко открывая глаза, как будто не в силах скрыть давно переполняющую её тайну:

— Я уже знаю пять букв: А. Б. В. Г. Д!

— Подумать только! — всплеснула руками тётя Надя.— Я как только прочла эти пять букв в твоём письме, так сразу поняла, что ты даром времени не теряла.

— Не такова наша Элька, чтобы даром время терять из-за какого-то немца! — сказали красноармейцы и, поправив вещевые мешки за спиной, снова двинулись в путь.

Вечером в большом зале, где обычно в госпитале бывали вечера самодеятельности и концерты, возле печки, в которой звонко, как орехи, потрескивали дрова, собрались они все — боевые друзья.

Они шутили и смеялись, рассказывали друг другу жизнь и пели под гармонь дяди Маки весёлые и грустные русские песни...

Вдруг Элька соскочила с колен тёти Нади и, подняв правую руку, сказала громко:

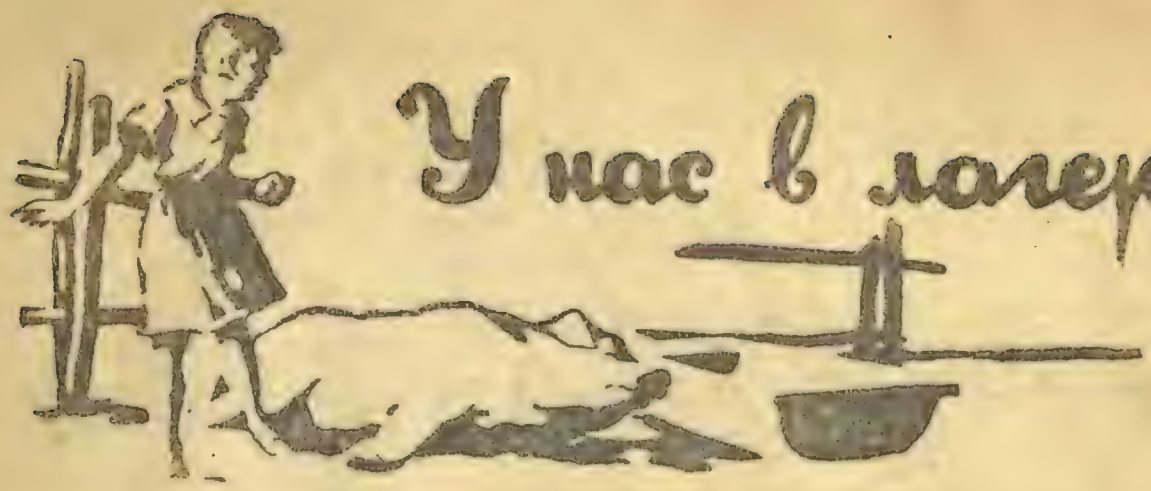
— Тише! Я сейчас стихотворение сочиню.

Она выбежала на середину зала и, крепко зажмурившись, минутку подумала и начала своим звонким и чистым, уверенным голоском:

Скоро солнце и весна,
Скоро кончится война.

Потом разжмурилась и вопросительно, серьёзно оглядела всех своими никогда не смущающимися глазами.

— Отлично! — сказала тётя Надя, и все захлопали в ладоши. А танкист и пехотинец, которым завтра предстояло выписаться из госпиталя и итти на фронт, хлопали громче всех. Ведь они и воевать шли за то, чтобы больше нигде, никогда не было никаких войн на земле!



У нас в лагере

И. Карнаухова

Рисунки В. Попова

134391

Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят
И потрогать спинки,
Много ли щетинки.

ОТРЯД ВОЛНУЕТСЯ

Одна свинья сдохла.

Она лежала в грязном загоне, вытянув ноги, худая, заскорузлая, покрытая торчащей щетиной. При взгляде на нее вспоминались взъерошенные дикобразы, дикие вепри, джунгли...

Свинарка Панкратьевна постояла молча над покойницей, укоризненно покачала головой. Потом, тихонько вздохнув, аккуратно перевязала платочек. Поджав губки и мелко-мелко шагая, она спустилась в деревню. И начала звонить из избы в избу сладеньким голоском, что «лагерные-то в хозяйстве не смыслят и свинью уморили с голоду».

У Панкратьевны видно была плохая память, и она просто забыла о том, что уход за свиньями ей-то самой поручен и был. Многие слушатели напоминали ей об этом. Из таких изб Панкратьевна уходила очень быстро.

Так или иначе, Дашка лежала «померши», а соседка ее, огромная худощавая свинья Машка, с тупым удивлением смотрела на покойницу.

В большом и грязном сарае Машка теперь осталась одна.

Отряд девочек волновался.

Нельзя сказать, чтобы они любили Дашку или вообще поддерживали с нею какие-нибудь отношения. Вернее, они даже не вспоминали о её существовании. На задний двор они заходили редко, а свиной закут не привлекал их внимания. Но свиньи были первым приобретением лагеря, первым «подсобным хозяйством». И вдруг пятьдесят процентов подсобного хозяйства сдохло!

Этого нельзя было перенести спокойно.

Девочки волновались и шумели. Некоторые от возмущения повизгивали.

Большинство девочек видели свиней издали, несколько человек — на витринах «Гастронома».

Так или иначе — девочки решили взять на себя обслуживание Машки и сохранить ее для лагеря. Так создалась «Машкина бригада».

Двум бригадирам вместе еще не минуло двадцать четыре года, а самой младшей из членов бригады недавно перевалило через восемь лет.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

В зоологических садах у клеток бегемотов и слонов обычно висят дощечки:

> Дневной рацион Бетти (или Крошки) составляет:
> 20 кг отрубей, 40 кг моркови, 30 кг сена и пр.

Эти записи, верно, не раз развлекали вас.

Но когда вам говорят:

— Свинья, которую вы беретесь кормить, должна получать питание три раза в день. Кормить ее надо клевером, молочаем и крапивой, посыпанной отрубями. На одну еду ей надо приготовить и скормить три ведра. А всего в день — девять ведер.

Если вы немного повыше этого ведра, то вам становится немного страшно.

Но мужество преодолевает все.

Первый день был трудноватым. Клевер и молочай тщательно маскировались под другие растения. Крапива злобно огрела не только руки и ноги, но даже и лица сборщиков. Все же старшие мальчики принесли к загону большую охапку крапивы.

Наконец, пища была приготовлена.

Три девочки вцепились в наполненное ведро, и «шестиножка» потащила ведро к загону.

Машка, голодная, разъяренно рычала и прыгала на загородку. Шесть ног дрогнуло. Часть машкиной пищи вылилась на землю. Пришлось бежать за помощью. С трудом влезли девочки на забор и длинными палками загнали Машку в сарай. Шесть девочек держали дверь. Они упирались в нее спинами, коленями, локтями. А Машка, спокойно напирая на дверь, высовывала в щель свой дыроватый пятак.

Три девочки спешно наполняли корыто.

Наконец; пойло налито.

Машка услыхав вкусный запах, налегла на дверь. Шестиножка разлетелась во все стороны. Кто носом в грязь, кто руками в пойло...

Но легкость в ногах появилась необыкновенная и, прежде чем Машка подошла к корыту — никого в закуте не было.

ВЕЛИКОЕ СИДЕНИЕ

Танечка получила задание: прибавить в Машкино пойло горсть отрубей. По правде сказать Танечка до сих пор испытывала сильнейший страх перед Машкой. Но, конечно, тщательно скрывала его. Танечка бодро, с веселым видом, приблизилась к загону. Машка покосилась на нее белесым глазом и повела ухом.

Танечка заискивающе улыбнулась и бодро сказала:

— Машенька, красавица... Я тебе отрубей принесла.

И Таня влезла на верхнюю перекладину и стала сы[illegible] отруби в корыто.

Руки её немного дрожали, поэтому часть отрубей нежно припудрила Машкин нос. Машке это не понравилось; она издала грозный рык.

Танечка замерла на перекладине.

Машка успокоилась.

Танечка тихо спустила ногу.

Машка подняла голову и захрюкала.

Танечка быстро подтянула ногу.

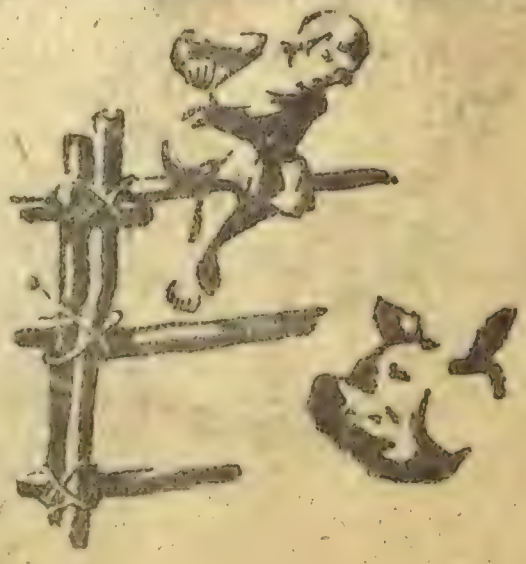
Машка стала дремать.

Танечка решила уйти во-свояси, но как только она пошевелилась, Машка грозно повела на нее узким глазом.

Сердце у Танечки похолодело.

Так началось Великое Сидение. Минуты проходили за минутами. Часы тянулись за часами. Таня сидела на перекладине, как птица на жердочке. Каждое её движение Машка встречала грозным рыком. Танечке казалось, что под ней лежит кровожадный свирепый зверь. Она вспоминала рассказ о том, как охотники сидели на соснах и волки сторожили их на земле.

К загону подошел Олег. Может быть, ему показалось странным, что девочка так долго развлекается созерцанием свиньи.



Танечка приняла независимый вид и, обмахиваясь веточкой, запела: «Раскинулось море широко...»

Олег ушел.

Зазвонили к ужину.

Танечка слыхала топот ног, весёлые крики, звон тарелок.

«Наверное, сегодня на ужин мои любимые блинчики с вареньем» — подумала она и шевельнулась.

Машка дернула ухом. Танечка окаменела.

Лидия Константиновна окликнула её издали:

— Танечка, почему ты не идешь ужинать? Я тебя ищу, ищу.

— Не могу! — тихо ответила Танечка, косясь на Машку.

— Почему? — спросила Лидия Константиновна и подошла ближе.

— Боюсь, — шопотом в самое ухо сказала Танечка, — Машка не пус-кает.

— Да она спит, — сказала Лидия Константиновна, снимая Танечку с за бора, — а ухом дергает, потому что мухи щекочут.

Мы только сейчас открываем Танечкин секрет. Потому что теперь Машка боится Танечки, а Танечка на Машкин рык и ухом не ведет.

БЕГСТВО

Средняя жердь была сломана. На дереве виднелись белые прилипшие ще тинки... На грязи были следы копыт... Загон был пуст... Машка исчезла.

Девочки стояли у закута, как пораженные молнией.

Первой опомнилась Валя:

— Убежала! — выдохнула она, — искать надо. Скорее!

И они начали искать.

Девочки всматривались в следы, снимали с веточек щетинки, принюхи вались, присматривались и бодро шли вперед, пока на влажной земле были ярко видны отпечатки острых копыт.

Но вот следы привели к зеленой траве и тут пропали.

Девочки бегали по деревне, кричали: — «Машка! Машка!» и «пать, пать пать» и «цыи, цыи, цыи!», заглядывали за каждое бревно и за каждый куст... Кира заглянула зачем-то даже в суслиную норку — ничего! Нигде — никого!

Девочки устали и испугались. Наскоро собранный военный совет решил обратиться к старшим мальчикам.

Но в это время проходящий мимо колхозник дружелюбно спросил:

— Кого ищите, ребята?

— Свинью! Машку! Большую, большую.

— Да, она вон там, у линии лежит, я только что видел.

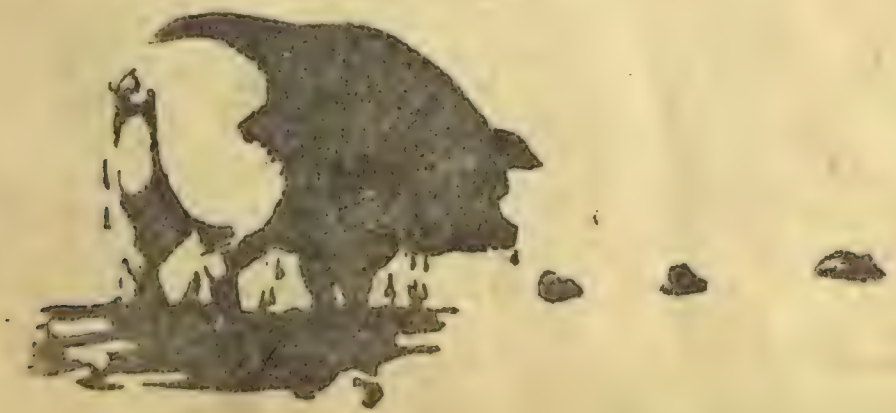
Какой это был хороший человек! Какое симпатичное у него было лицо!

И он, наверное, ударник, стахановец полей!

У линии была огромная липкая лужа, с бревном посредине.

Кругом росли чахлые кустики. Машки не было.

Разочарованные девочки решили итти в лагерь.



Колхозник явно над ними посмеялся. Лицо у него не даром было хитрое, и в час дня он почему-то ходит по деревне, когда все на работе. Неизвестно, колхозник ли он, вообще, может быть; его жена делает сейчас из Машки сочные окорока. Валя досадливо швырнула камешек в серое бревно посередине лужи. Бревно хрюкнуло и повернулось.

Машка! Она вся была вымазана серой гущей и из жижи торчал только круглый нос. Под окрики и свист девочек она только поворачивалась с боку на бок.

Град камешков заставил её лениво выползти на край. Дальше она решительно отказывалась двигаться. На неё не действовали ни прутики, ни голые пятки, ни окрики.

Выручили старые Гриммовские сказки. Выручили Мальчик с пальчик и Храбрый Портняжка, уводящий Единорога.

По распоряжению Вали, девочки притащили ведро очисток.

Кучка у лужи — и Машка встала. Кучка дальше — и Машка пошла.

Так и двинулись: девочки с ведром и Машка за ними. А между девочками и Машкой вкусная дорожка из картофельных очисток.

Машка сопела и чавкала.

Из изб выходили люди и смеялись и качали головами глядя на одураченную Машку. И хвалили девочек.

УЖАСНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Целый день Таня Валова и Ирина пасли Машку. Огромная, похожая на розовый бугор, она бродила по лугу и смачно чавкала. Зеленая трава гирляндами свешивалась из ее пасти.

Только к позднему обеду девочки загнали Машку домой.

Вечерние дежурные, придя с полными ведрами, обнаружили, что Машка не притронулась к обеденной порции. Она лежала в стороне от корыта и безучастно смотрела на еду.

— Заболела Машка, — дрогнувшим голосом сказала Светлана. От ужаса она побледнела, и веснушки на вздернутом носу выступили ярче.

— Ничего не ест.

— На еду не смотрит...

— И нос холодный...

Бригада совещалась у сарая.

Высказывались самые ужасные предположения:

1) Кто-то вместо клевера скормил ей ядовитую траву.

2) Кто-нибудь дал ей незаваренную пищу.

3) Машка проглотила стекло или гвоздь.

Лица бледнели. Под ложечкой начинало сосать. На глаза набегала подозрительная влага. Предположение относительно стекла или гвоздя окончательно убило всех.

Бригада нестройной гурьбой двинулась к начальнику лагеря.

День шел.

Машка ела.

Вечер кончился линейкой. Под ровный топот шагов, под мерный торжественный рокот барабана, бригада шлепала отяжелевшими ногами. Рапорт о ходе соревнования, отчет об отметках за неделю прошел как во сне.

И вдруг...

Бригаду свиноводок просят успокоиться — Машка абсолютно здорова. Просто она очень хорошо поела на пастбище. Сейчас к ней вернулся аппетит.

Как трудно было дождаться конца линейки! Как сладок был звук отбоя!

Девочки окружили загон. Они с умилением смотрели, как дорогая милая умница Маша с аппетитом пожирала пойло. Зеленая крапива гирляндами свешивалась из её чавкающей пасти.

НУ, А ТЕПЕРЬ?

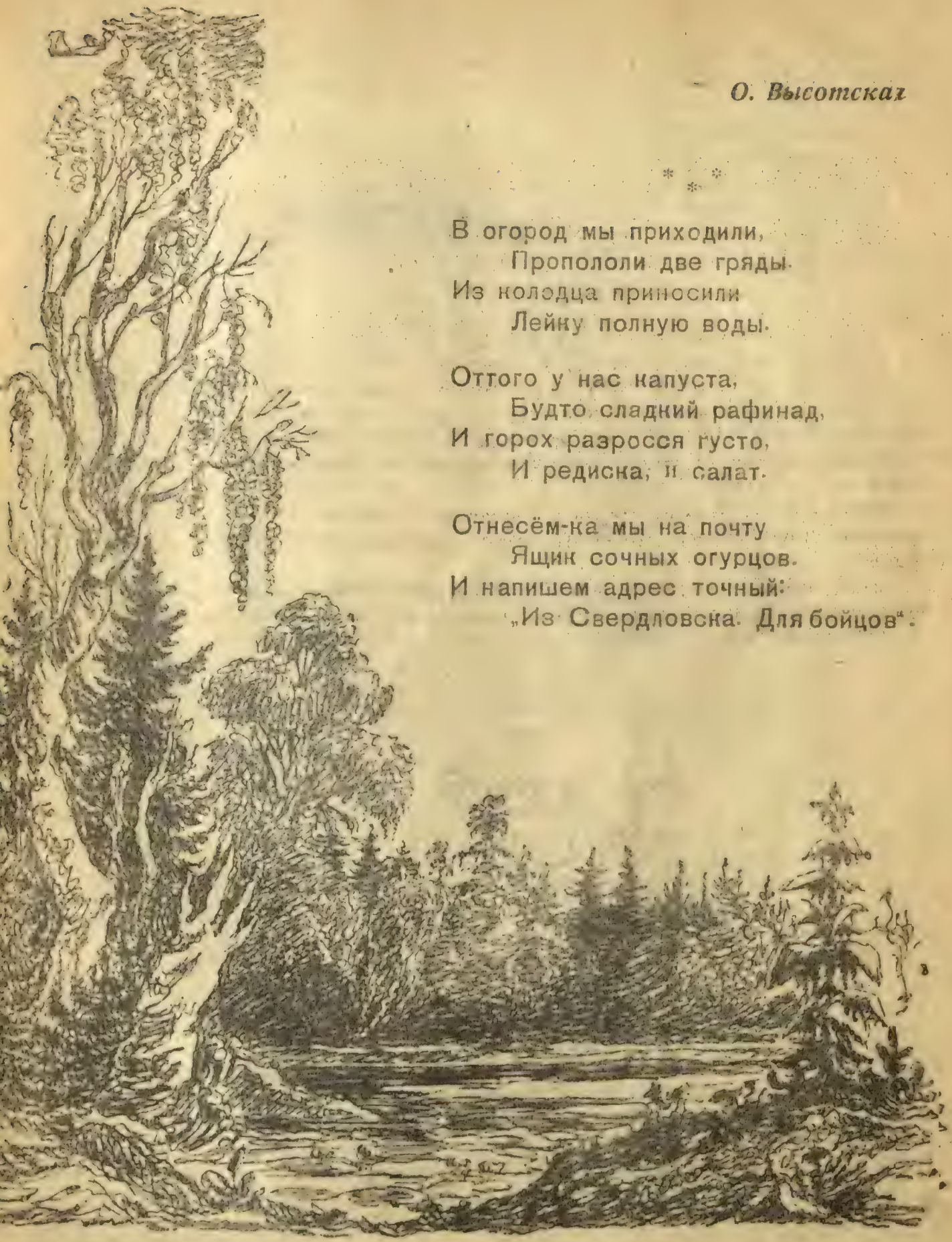
Прошло два месяца.

Девочки выросли, окрепли и загорели. Машка разжирела и подобрела.

Бригада свиноводок набралась опыта. Она отлично разбирается в травах. Вот от этой травы Машка будет жиреть, вот эту она не любит, вот эта укрепляет ей костяк. Дежурные смело заходят в загон, чешут Машке спину сосновыми щепками, тычут ей в бок розовыми пятками и непочтительно щелкают по огромному пятаку.

Машка — по одному окрику — уходит в сарай, ласково хрюкает, когда девочки приносят еду, лижет им голые, свесившиеся с забора ноги и жиреет, жиреет.

Но о свиных отбивных никто и не думает: Машка ждет поросят. И если вы приедете к нам через несколько месяцев, у нас будет своя свиноферма.

А Панкратьевна может возмущаться!

О. Высотская

* * *

В огород мы приходили,
Пропололи две гряды.
Из колодца приносили
Лейку полную воды.

Оттого у нас капуста,
Будто сладкий рафинад,
И горох разросся густо,
И редиска, и салат.

Отнесём-ка мы на почту
Ящик сочных огурцов.
И напишем адрес точный:
„Из Свердловска. Для бойцов".

ШКОЛА

Оксана Иваненко

Школа! Ещё оставалась школа! Оттуда, из первого и со второго этажей стреляли, и она сдерживала натиск вражьей части. Немцы никак не могли прорваться на улицу Ленина. Они, конечно, не знали, что это за дом, но им казалось, что там отряды и немалые отряды.

Оттуда строчили пулемёты, и из каждого окна защищали эту маленькую крепость.

А в действительности, их, защитников, осталось совсем немного. Кучка красноармейцев, Лёнька Шивченко и уборщица — бабушка Фрося.

Лёнька Шивченко, ученик 6-го класса этой школы, маленький, неказистый рыженький мальчик с озорными глазёнками и с множеством веснушек на подвижном личике прибежал сюда вчера. Ему некуда было больше податься. Семья дяди, у которого он жил, отплыла с последней баржей как раз тогда, когда он проскользнул на берег и хотел ещё разок, на прощанье, пробежаться по улицам. На улицах сооружали баррикады, и сразу Лёнька решил, что это гораздо интересней, чем плыть медленной черепахой-баржей, где людей, как селёдок в бочке, нянчить маленьких дядиных детей, выслушивать замечания и нотации тётки. Пока что, всё его только развлекало, и он по-детски всем интересовался и ни над чем особенно не задумывался.

Вот говорили, что немцы уже в Голосеевском лесу, что бои идут на Шулявке, и, правда, стрельба не прекращалась, но ему всё казалось, что еще день-два, и всё снова станет по старому, и поэтому надо обязательно везде побывать и всюду сунуть свой остренький любопытный носик.

Но налёты с каждым разом усиливались, и бои уже шли в самом городе, и вдруг Лёня растерянно остановился на улице. Куда же бежать? Мгновенно промелькнула мысль: в школу! С чёрного хода!

Правда, бабушка Фрося никогда никого туда не пускала. Опоздал! — старый швейцар не пускает тебя с парадного хода, вот и жди, пока закончится урок и направляйся сначала к директору за разрешением.

Да её сейчас, наверно, давно и в школе нет! Двери были, как всегда, заперты. Он рванул сильнее обычного. И вдруг, показалось, что нет ничего страшного, ни налётов, ни баррикад на улице, так как из-за дверей спросила, как всегда, чуть ворчливо бабушка Фрося:

— Кто это там ломится, прости господи?

— Не пустит, вот зловредная старая ведьма! Всегда она такая!— выругался в мыслях Лёнька и со всей серьёзностью деловито и солидно ответил:

— Это я, Шивченко, ученик 6-го класса «в».

Бабушка Фрося его очень не любила, особенно после того, как он сломал китайскую розу в зале. Бабушка Фрося очень заботливо относилась к цветам в школе. Да и не за одну китайскую розу помнила бабушка Фрося Лёньку. Его в школе знали все: и ученики, и учителя, и директор, так как он всем давал о себе знать, не даром Лида, их отличница, прозвала его после одного урока истории метким прозвищем, которое так и осталось за ним — «Шива!— бог разрушения».

Сейчас бог разрушения стоял перед дверьми школы маленький, растерянный и довольно-таки жалкий.

Но бабушка Фрося скоро открыла двери и просто схватила Лёньку.

— Чего ты бегаешь? Где твои родные?

— Дядя уехал, а я опоздал на пароход!— солгал Лёня!— Я здесь в школе перебуду.

— Перебудешь!— горько улыбнулась бабушка!— Ну иди, посиди у меня в комнате. Сиди тут и не рыпайся!

Её комнатка была тут же внизу, рядом с раздевалкой. Комнатка была чистенькая, крохотная: печка, сундук, стол. Над столом фотографии в рамке под вышитым полотенцем. На фотографиях красовался молодой командир. Лёнька вспомнил, как он когда-то спрятал щётку и ведро бабушки Фроси, и Лида, упрекая, говорила:

— Как тебе не стыдно, Шива? У неё сын красный командир, она такая старенькая, а ты, как хулиган, без всякого уважения к ней.

А Лида, наоборот, дружила с бабушкой, всегда приходила за час до начала уроков и помогала ей поливать цветы.

Лёня вспомнил Лиду, серьёзную и милую, которую все любили и в классе, и в школе, и даже он, Шива, побаивался задевать ее, и сразу ему стало очень грустно. Во всём городе, наверно, никого не осталось из их класса, все, должно быть, уехали, кто поездом, кто баржей, кто пароходом, и только он один сейчас из учеников во всей школе, где всегда было так шумно, весело, где он так шалил и никого не хотел слушаться.

— Ты разве шпион?— упрекала его Лида.

— Ты позоришь всю нашу школу своим несознательным поведением,— говорил Флор. Так между собой ученики прозвали Флора Яковлевича, их классного руководителя и учителя истории.

Флор был ещё совсем молодым, недавно закончил институт и учительствовал только первый год. Он был очень некрасив и застенчив, и Шива сразу заметил, что не ученики боятся его, а он учеников. А Флор действительно боялся не только таких скандалистов, как Лёня, а даже отличниц — Лиду, Лесю, Розу. Ему казалось, что они умышленно задают ему разные вопросы на уроках истории, а старшие десятиклассники, словно нарочно, иногда при них зовут его кататься на каток, и на катке зовут его просто Флором. Ну, уж Шива выматывал из него душу!

Шива шмыгнул носком, то ли с жалости, что прошли эти дни, то ли от того, что расчувствовался, и он подумал, что сидеть так в этой комнате и вспоминать минувшее нет никакого смысла, тем более, что он не обследовал ещё школы и даже не побывал в своем классе.

Бабушка Фрося закрыла двери чёрного хода и куда-то исчезла. Пользуясь этим, Лёня тихонечко вышел из комнаты и пошёл по широким лестницам вверх.

— Стреляли со второго этажа! Значит, там наши! — подумал он.

Над лестницей ещё висела школьная стенгазета и портреты ударников учёбы. Между ними был и портрет Лиды, на которую грустно было почему-то взглянуть, и он, не задерживаясь, побежал дальше в залу.

Шива вздрогнул. В зале лежали бойцы, и ему показалось, что они были уже не живые. Он побежал быстро в коридор и там его остановили.

— Кто идёт? — услышал он строгий, но очень знакомый голос. Поднял глаза и увидел Флора. Действительно, это был Флор Яковлевич, только в военной форме командира с каким-то странным, строгим и решительным взглядом и сурово сведёнными бровями на переносице. Он не был совсем похож на их всегда красневшего и застенчивого учителя истории, но это всё же был он, и Шива неожиданно для себя пробормотал:

— Это я, Шива, бог разрушения!

— Шивченко, откуда ты появился? — рассмеялся Флор Яковлевич, и вдруг Шива как-то сразу подтянулся и серьёзно ответил:

— Я буду помогать вам, Флор Яковлевич! Честное пионерское, я буду всё делать, что вы скажете.

Разговаривать было некогда. Была небольшая горстка бойцов во главе с командиром, историком Флором Яковлевичем и все слушались его беспрекословно.

— Шива, сбегай в физический кабинет,— сказал Флор Яковлевич — и принеси оттуда патронов, а в седьмом «А» бабушка Фрося с ранеными, ты загляни туда и спроси, как там у неё. И скоро! Не мешкай, это хорошо, что ты пришёл.

С этого момента у Шивы не было свободной минуты.

У Флора Яковлевича в учительской,— они засели в учительской,— было десять бойцов, в физическом кабинете семеро и трое раненых стонало в седьмом «А». Возле них хлопотала маленькая, щупленькая, но проворная бабушка Фрося. Надо было перенести патроны, надо было принести воду в седьмой «А», надо было передать приказ командира в физический кабинет, чтобы все переходили в учительскую, а двух проводить в крайнюю комнату — физкультурный зал.

Бабушка Фрося всё пыталась задержать Шиву около себя, но Шива сразу же понял её тайное намерение. А как же! Седьмой «А» не выходит окнами на улицу, это самый тёмный класс, так как перед его окнами высоченная каменная стена многоэтажного дома, и это самое безопасное место в школе, но Шива знает, что нужен и тут, и там, и всюду, и Флор Яковлевич не даром сказал, что он во время появился.

Когда разрывная пуля попала в живот пулемётчику Васёне, Шива побледнел и выронил фляжу с водой из рук. Вася умер через несколько минут. Это была первая смерть на глазах мальчика. Их осталось пятнадцать бойцов, так как один из раненых тоже умер на руках у бабушки Фроси.

— Нам дан приказ продержаться до конца и задержать их как можно дольше, — сказал Флор Яковлевич.

И снова бойцы разбегались вдоль всех окон, а потом опять посылали огонь то из физического кабинета; то из физкультурного зала, и немцам казалось, что там засела большая военная часть и надо брать эту сильную крепость приступом.

Под вечер их было уже одиннадцать, из них четверо раненых, а ночью Шива ползком добрался в седьмой «А» и дрожащими губами прошептал:

— Бабушка... Флора ранили... Флора Яковлевича,— поправился он.

Патроны уже кончились.

На рассвете бабушка прошла в учительскую, в физкультурный зал, в физический кабинет и молча начала перетаскивать раненых к себе вниз. Их осталось пятеро, кроме Лёньки Шивченко и её самой.

Это было нелегко. Но трое из них были легко ранены и с трудом могли спуститься сами, а Флор Яковлевич пытался даже помогать, хотя у самого было прострелено плечо и левая нога. Шива смотрел на него расширенными от страха глазами, а учитель улыбнулся и погладил мальчика по голове.

— Ничего, Шива, на то война. Но ты и бабушка должны сейчас как можно скорее уйти. Бабушка знает здесь все ходы и выходы, да и ты, я уверен, все дворы здесь излазил. Я бы советовал вам податься на Подол. Главное, чтобы немцы не застали вас с нами. Берите, бабушка, внучка и собирайтесь в дорогу и большое вам спасибо, что не оставили нас в тяжёлую годину. Расскажете потом, как защищалась наша школа.

Бабушка Фрося поджала губы и сразу припомнилась Шиве их сердитая бабушка Фрося, которая водила его к директору и не пускала на уроки, когда он опаздывал.

— Нет, я вас не брошу,— твёрдо сказала она.— Сын мой — красный командир где-то на фронте, как и вы, а я вас раненых, беспомощных немцу оставлю?

— Бабушка, не говорите глупости,— строго приказал Флор.— Вас убьют с нами, и ребёнок погибнет.

— Я вас спрячу, а мальчик пусть идёт, я ему адрес дам кумы моей на Подоле. Мальчонку, может, и не тронут.

— Я не пойду!— сказал Шива, сам не зная почему. Просто он не думал ещё, что смерть здесь, близко, за дверьми.— Я всегда удрать сумею. Я знаю окно через раздевалку.

— Я командир или нет? Почему вы меня не слушаете? — спросил Флор бабушку.

— Ты командир, а я твоя мать, и молчи, сынок. Ложитесь, хлопцы. Этого положим на постель, а ты уж, командир, прости, на сундуке.

Она уложила раненых, потом прижала к себе Шиву.

— Лёнечка, голубчик,— сказала она, правда, так и сказала, и Лёня прижался к ней, как к родной матери.

— Беги на Подол, пусть кума дня через два наведается. Ты её приведёшь, может, мы наших хлопцев спасём.

— Шива, бог разрушения!— шутливо-строго сказал Флор.— Ты меня никогда не слушал и сейчас тоже?

— Нет, нет, Флор Яковлевич, я пойду. Я же не знал, что это надо. Я думал, вы только, чтобы меня спасти... и я вас всегда слушал, но я так был... несознательный... — добавил он печально.

— Ну, ничего, ничего,— похлопал его Флор Яковлевич по плечу.— Мы ещё с тобой повоюем. Мы прогоним их, и в школе ещё встретимся, в нашей школе.

Он вздохнул.

— Ему трудно разговаривать,— мелькнуло в голове Шивы.

— Бабушка,— сказал Лёня,— так давайте ваш адрес, я в окно через ра девалку, мимо сараев, а там 33 номером. И куму вашу обязательно приведу Будьте уверены!

— Тогда спеши!— Флор Яковлевич пожал Шиве руку, как взрослому а бабушка всё же поцеловала его, как маленького.

— В час добрый!— сказал командир.— И не забывай школу!

Шива пролез между рядами вешалок и хотел было уже выпрыгнуть из окна как в парадные двери застучали.

Он весь застыл и сжался, маленький бессильный бог разрушения. Немцы немцы, фашисты заходят в его школу. Как он любил её сейчас, как любил сильнее всех на свете смелого красного командира, их неудачного учителя истории — Флора, и ворчливую уборщицу бабушку Фросю, и каждый класс и коридор, и портреты ударников, и стенгазету, которая случайно осталась Он сидел в уголочке под тёмным закрытым фанерой окном, и только одно было в мыслях: найдут или нет... Найдут или нет! И сердце его, казалось, вот-вот разорвётся. Он слышал шаги по ступенькам, шаги наверху, разговор, слова лай; и даже чьи-то тупоносые сапоги совсем близко около себя. Вдруг он услышал оклик:

— Hier! Здесь!

Они нашли... Как будто сердце оборвалось. Он немного высунулся и увидел, как немцы вытащили раненых и прикладами вытолкали бабушку Фросю Никто из них не кричал, а Флор Яковлевич даже шёл совсем смело, глядя впереди себя.

— Кто вы есть?— спросил один из немцев. — Это вы стреляли из окон

Флор Яковлевич усмехнулся и ответил:

— Я учитель этой школы.

— А ты, старуха?

— Я их мать!— с гордостью ответила бабушка Фрося.

Но тут заговорил другой немец, и Шива понял только одно: не надо разговаривать, кончай и всё.

Шива закрыл глаза, на это он не мог глядеть.

— Сыны мои! — только и сказала бабушка Фрося. — Голубчики мои родные!

— В этой школе много учеников! — вдруг закричал Флор. — Они вернутся ещё возвратятся! Прощайте, хлопцы! Победа всё равно за нами!

И тут прозвучал выстрел.

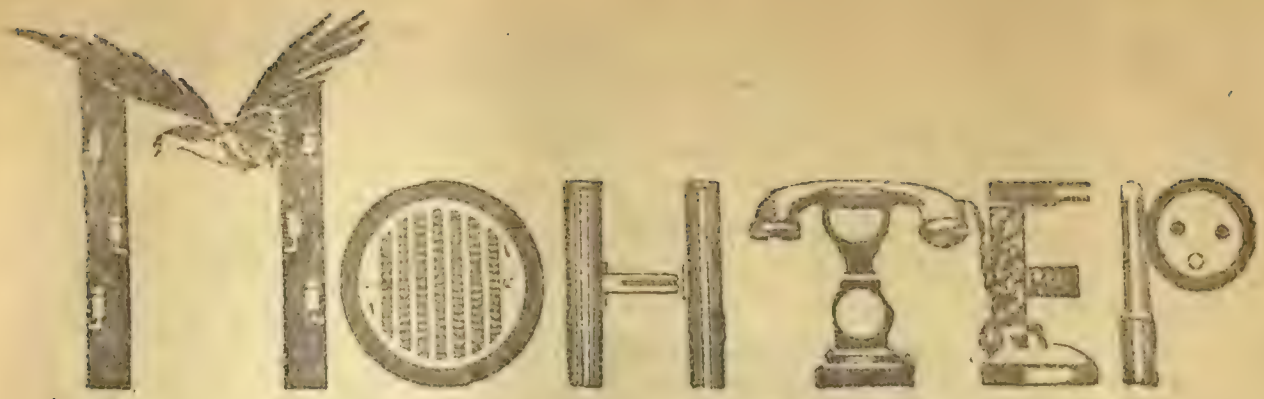
Поздно ночью Лёня Шивченко выбрался на улицу, потом дворами и переулками пробрался на Подол. Знакомые бабушки помогли ему убежать из города Но он знал — ненадолго. Он должен был ещё вернуться в свою школу.

* * *

Всё это случилось в прошлом году. В этой школе училась моя дочка и перед моими глазами эти коридоры, залы и классы, и старенькая бабушка Фрося которая прослужила там много лет. Обо всех этих событиях написала моей дочери подруга, которая встретилась с Лёней.

1943 г.

Перевод с украинского Г. Шипов



Белла Дижур

Длинный вечер. Скучно Мише.
Папа целый вечер пишет,
Мама штопает рубашки,
А ленивой кошке Машке
Захотелось рано спать.
Что же делать?
С кем играть?

Надоел стальной конструктор,
Разрисованные фрукты
И цветное домино,
А на улице темно.
Дождик стукает в окно.
Тонет в мраке каждый кустик.
И на улицу не пустят.

Но чтоб выдумать игру
Миша первый по двору.
И решил он очень скоро
—„Ну-ка стану я монтёром".
Миша тихо вышел в кухню,
Там огонь частенько тухнет.

С невысокой табуретки
Миша влез на край плиты.
И отвёрткой из розетки
Вынул тонкие винты.
Видит Миша—две пластинки,
Волоски торчат щетинкой.

Только тронул волосок,
Руку хвать — сердитый ток.
Будто чьи-то злые когти
Руки стиснули до локтя.
Миша вскрикнул, и тотчас
Всюду в лампах свет погас.

Миша страшно испугался,
Задрожал, в комочек сжался.
Как он спустится с плиты?
Он боится темноты.
А к тому же папа вышел
И позвал: „Мишутка, Миша",
Чиркнул спичку, догадался
И на Мишу раскричался:
—.Это что за безобразье!
Что ты делал тут проказник...
Разве можно так шалить,
С электричеством шутить?!

Не умея обращаться,
Ты бы мог без рук остаться!
Ты бы хоть сперва подрос!..“
Мише жаль себя до слез.

А во всем огромном доме
Люди злятся — „вот так раз,
Свет не во-время погас!“
К одному пришёл знакомый,
Тот газет не дочитал,
Здесь играли на рояли,
Там спешили, собирали
Папе вещи на вокзал.
Вещи скрылись в темноте,
Как в бездонной пустоте.
Спотыкаясь без привычки,
Люди бродят, ищут спички,
Лампу, свечку, что-нибудь,
Чтоб до ночи дотянуть.

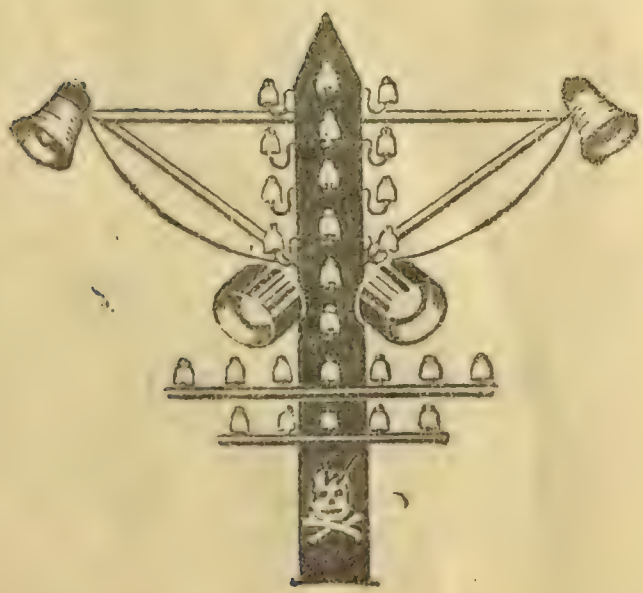
Утром вызвали Егора,
Знаменитого монтёра.
Он пришёл — Егор Бобошин,
Крикнул детям: — „добрый день!“
Без пальто, в больших галошах,
Сдвинул кепку набекрень.
И пошёл по всем под‘ездам,
Все проверил провода,
А у Мишиной квартиры,
Громко свистнул: „вот беда“.
Папиросной нос согрел,
Когти на ноги надел
И полез, как обезьяна,
По столбу, наверх, туда,
Где на белые стаканы,
Натянули провода.

Прекратился шум и смех,
Дети смотрят снизу вверх,
А Егор им машет кепкой,
Со столбом обнялся крепко,
Птицы в небе, на просторе,
Шумно встретили Егора:
„Здравствуй, птичий друг Егор,
Замечательный монтёр!“

Не спеша взялся за дело
Птичий друг, Егор наш смелый.

Из штанов с большой заплатой
Вынул лампу и шнурок
И, проверив изолятор,
Вставил медный волосок.
Миша видит, что Егора
Не задел сердитый ток.

Ветер воет в проводах,
Тянет их туда, сюда.
Ветер сердится и злится,
А Егор поёт как птица:
„Я работаю монтёром,
Ремонтирую моторы,
Чайники и утюги,
С темнотою мы враги.
Если в доме свет погас
Прихожу я в тот же час.
Раз, два, три — вот весь секрет
Я пришел — со мною свет".
В эту ночь приснилось Мише
Что он стал смелей и выше,
Не боится темноты,
Не боится высоты,
И работает монтёром —
Заместителем Егора.



ОЛЕНИЙ КАМЕНЬ

Б. Рябинин

Рисунки В. Попова

Весной играет Чусовая. С шумом и громом мчится она по каменистому руслу, бьёт волной о прибрежные скалы-бойцы, с разбега бросается на их жесткую гранитную грудь и, обессиленная, но не усмиренная, рассыпавшись каскадами брызг, с глухим ворчанием ложится у их ног, с тем, чтобы через минуту рвануться вновь... Шумно по весне на Чусовой, — шумно и весело.

А после, едва пройдет потемневший, источенный полыми водами лед, вслед за ним двинется вниз по течению лес — начнется сплав. Река с размаху бросает мокрые, скользкие бревна на береговые утесы, громоздит их в излучинах на берегу ворохами, но сплавщики уже ждут тут, длинными баграми с железными крючьями они ловко сталкивают лес снова в воду, и река, не в силах преодолеть их упорство, покорно уносит лес вниз, к заводам и фабрикам, где ждут его, — тяжелый, набухший, приносящий с собой крепкий запах морёного дуба.

В этом году весна была поздняя. Уже давно на берегах Чусовой были закончены последние приготовления к сплаву, на полях появились грачи, белоносые, важные, переваливаясь, бродили они по лесным пашням, выискивая в бороздах жирных червей, а река все еще стояла неподвижная и немая. Прошли все сроки — и сплавщики начинали не на шутку тревожиться, что они не успеют спустить весь лес, если вода схлынет слишком быстро.

В субботу перед первым маем заведующий лесопунктом Василий Иванович Лосев вызвал к себе кино-механика Ванюшку Зайцева и сказал:

— Вот что, Ваня. Звонили из Масляники: пришел новый фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Понял? Надо сейчас съездить за картиной. Потом некогда будет.

Он оглядел коренастую низенькую фигуру мальчика в большой, надвинутой на глаза, шапке-ушанке и теплом ватнике и ласково добавил:

— Только ты будь поосторожней. Лед тонок. Через Чусовую будешь пере правляться, гляди в оба. Река не сегодня-завтра тронуться должна.

Ванюшке отроду было тринадцать лет, и заведывать кинопередвижкой с стал с тех пор, как старшего брата его, Якова, взяли на войну с немцами До этого Ванюшка играл с ребятами в бабки, зимой бегал на лыжах в школу Орудовать у передвижки он научился незаметно. Он не пропускал ни одной фильма, и торчать около брата, когда тот запускал свой аппарат, доставлял ему огромное удовольствие. Ванюшка гордился перед сверстниками, что бра у него киномеханик. И когда кто-то из друзей во время прощания с Яковом уходившим в Красную Армию, спросил, кто же теперь останется вместо него Яков остановил свой взгляд на Ванюшке и сказал: «А вот он».

Ванюшка растерялся от неожиданности, а когда брат ушел, спорить уж было поздно. Впрочем, работы у него было не слишком много. Фильмы пос дали в такую глушь с большим запозданием, и каждый раз это было большим праздником для маленького поселка, затерянного среди лесов вдали от все проезжих дорог.

Ванюшка получил на конном дворе запряженную в кошеву лошадь и отпра вился. Свободные от дела лесорубы, курившие на крыльце лесопункта, спра шивали его:

— Далеко ли собрался, Иван? Какую картину нынче казать будешь?

— «Разгром немецких войск под Москвой»!

— Ого! Ну давай, вези скорее.

Ехать предстояло не близко: двадцать километров. Туда и обратно — с рок. Час был ранний, и Ванюшка рассчитывал вернуться засветло. Скоро до мики поселка скрылись за поворотом; дорога вилась в узком коридоре между столетних елей и сосен. Без приключений он добрался до Чусовой и стал спу скаться с горы. Река лежала внизу неподвижной белой лентой, тронуто кое-где темными пятнами выступившей на поверхность воды. Левый берег бы нивок и порос кустарником, на правом высились угрюмые замшелые скал «камни» — как их звали чусовские жители.

Зимой дорога шла дальше по льду, но в это время года ездить по реке был опасно и, пересекая ее наискось, Ванюшка с опаской поглядывал на широки разводья, там и сям исчертившие лед. Лошадь ступала по льду осторожно, чу ствуя опасность, прижав уши и перестав качать головой, что она делала до этог всю дорогу.

Выехав на берег, Ванюшка придержал лошадь и окинул взглядом реку Лед ярко сверкал на солнце. Местами он совсем обнажился, освободившис от снега, который согнало солнце.

Отсюда начиналась могучая громада Оленьего камня, одного из наиболе известных утёсов на Чусовой. По преданиям с вершины камня бросился за гнанный охотниками олень; отсюда и пошло его название — Олений. Он тя нулся по берегу почти на четверть километра, уходя в небо местами н семьдесят и более метров. Стены его падали отвесно в воду. Вверху стоял сосны, снизу они казались не толще соломинки. У подножия камня лед отста и виднелась чистая вода.

День был теплый, в воздухе пахло весной. Это и радовало и пугало мальчика Если бы река неожиданно тронулась, он оказался бы отрезанным от своих Во время ледохода всякое сообщение между берегами прекращалось на не определенный срок.

Он еще раз выехал к Чусовой: река петляла между гор и, нередко, пробежав несколько километров, приходила снова к тому же месту. Отсюда уже начиналась прямая дорога на Масляную.

После тихого лесного поселка Масляная казалась столицей. Отсюда шли дороги во все стороны. Каждый час приходили и уходили подводы, по улице, разбрызгивая во все стороны фонтаны талого снега, проносились тяжёлые грузовики, тракторы тянули массивные, груженные лесом, сани. В канавах уже стояла жёлтая весенняя вода.

Здесь в Масляной у Ванюшки было много знакомых. Маленького киномеханика знали и лесорубы, и служащие конторы лесоучастка.

Всё привлекало внимание Ванюшки — и толстые цепи на колесах грузовиков, и новая ремонтная мастерская, где, громко стреляя синим дымком десятисильный движок, и нагромождения пустых бочек из-под горючего.

— Как жизнь, механик? — спрашивали его знакомые.

— Хорошо, — отвечал он коротко. Как все люди леса он был молчалив, но не замкнут, застенчив, но не пуглив.

Лесорубы говорили о войне, о погоде, о том, что план лесосплава нужно будет нынче выполнить во что бы то ни стало, хотя и трудно он, что весна поздняя и потому наводок надо ждать большой и бурный.

Уже было за полдень, когда Ванюшка, погрузив два железных ящика с фильмом, собрался в обратную дорогу. Подтаявшая с утра дорога стала рыхлой, комьями бросало из стороны в сторону, но это нимало не волновало мальчика. Он думал о том, как будут рады все в поселке, когда узнают, что прибыл новый фильм, да еще какой: «Разгром немецких войск под Москвой!» — о котором столько слышали по радио и читали в газетах. Вечером, едва стемнеет, тесное маленькое помещение клуба быстро наполнится народом. Придут служащие лесопункта и среди них словоохотливая, веселая уборщица Маня, которая всегда расспрашивает Ванюшку про Якова и обязательно всплакнет при этом. Придут суровые молчаливые лесорубы с красными, опаленными ветрами лицами, сядут и в ожидании начала сеанса будут молча курить крепкий самосад. Последним придет Василий Иванович Лосев, заведующий лесопунктом, высокий и строгий, которого все уважают и боятся. Он сядет в первом ряду, и тогда потухнет свет в зале, застрекочет кино-аппарат, и белый яркий луч запрыгает по экрану, раскрывая перед зрителями удивительные картины. А после, когда кончится сеанс, все будут хвалить Ванюшку за то, что он такой маленький, а уже кино-механик и сумел заменить брата, и Василий Иванович по обыкновению одобрительно скажет: «Он у нас молодец!»

Какой-то неясный шум вдруг донесся до мальчика. Лошадь тревожно фыркнула и прибавила шагу. Ванюшка тоже насторожился. Казалось, шуршат сухие осенние листья, но этот шум был значительно сильнее и продолжительнее, он слышался непрерывно. Дорога нырнула в лог под широкие зеленые лапы елей, еще один поворот и... Ванюшка так натянул вожжи, что рыжий Карько едва не выскочил из оглобель, хомут налез ему на голову и сани подсекли ноги. Они были на берегу Чусовой. Ванюшка выпрыгнул из кошевы и несколько минут растерянно глядел на реку.

Река тронулась.

Широкие плоские льдины важно плыли по темной воде, налезая друг на друга. Они-то и производили этот странный шелест. Ванюшка чувствовал на лице холодное движение воздуха. Это уходила зима.

Ошарашенный, Ванюшка долго стоял на берегу, ничего не понимая, по наконец, не уяснил себе, что случилось самое страшное, что могло случить в его положении. Он остался на этом берегу. Поняв это, он поспешно вскоч с коневу и погнал лошадь к месту переправы, в смутной надежде что мож быть, там лед еще не успел разойтись.

Напрасная надежда! Река шла на всем протяжении. Еще недавно неподви ная поверхность ее шевелилась, двигалась, как живая. В узкой горлови у камня Оленьего ледоход был особенно силен. Льдины неслись, сталкивая одна с другой, громоздясь на левый отлогий берег и расшибаясь о подно камня. Со всех сторон невидимые под снегом, залежавшимся в лесной чащ звеня стекались к реке горные ручьи.

Бросив поводья, Ванюшка опустился на корягу и постарался спокой обдумать случившееся. Ход льда не ослабевал, а усиливался. Вот пропла почерневшая зимняя дорога со следами тракторных гусениц. Льдина задер лась на изгибе реки, другая круглая и крепкая, крутившаяся на воде в чком, с разбега ударила ее, и длинная разломилась на несколько частей, ко рые сейчас же были увлечены потоком. Вот на следующей льдине видна небо шая круглая дырка в приподнятыми краями. Это лунка, через которую зим рыбаки ловили рыбу. Уходила вся зимняя жизнь реки... А Ванюшка сид и смотрел и не мог собраться с мыслями.

Одно было ясно: на тот берег он не попадет. Надо было возвращаться обрат в Маслянку и переждать там конца ледохода.

Он завернул было лошадь в обратную сторону. Железные ящики в кош брякнули. Ванюшка оцепенел... А картина? Значит, лесорубы так и не увид «Разгром немецких войск под Москвой?» Ведь потом, когда кончится ледох сразу же начнется сплав и уже будет не до того... А все так хотели видеть

Если бы он меньше пробыл в Маслянке, может быть, ему удалось бы поспе к реке до вскрытия. Но сейчас уже было поздно думать об этом.

Ванюшка пропёлся по берегу в надежде обнаружить хоть какие-то признаки переправы. Вода бурлила и мчалась вниз, спеша сбросить с себя остатки зимних одежд. Ванюшке вспомнились рассказы отца о том, как в старину каждую весну шли по Чусовой барки с железом, с штыковой медью, как разбивались они о каменные великаны-бойцы и гибли в этой кипени. Любила поиграть Чусовая! Леса вокруг неё были в те времена еще глуше, чем теперь, а уж о тракторе не было и помину.

«Что же делать?» — думал мальчик. Все шло так чудесно с утра — и вот, на тебе... С тоской он смотрел на величественную недоступную красоту камня Оленьего, высившегося на том — желанном — берегу. Гладкие стены камня отсвечивали под лучами солнца. На вершине его покачивались сосны, но сейчас тихие голоса их тонули в грохоте ледохода. Шум, усиленный эхо, у камня был так силен, что заглушал все звуки.

Внезапно Ванюшка заметил, что движение льда стало замедляться. Льдины уже не шли стремительно по течению, а беспорядочно кружились на месте; тыкаясь то к одному берегу, то к другому и, наконец, затихали совсем... Затор! Эта догадка так обрадовала его, точно он был уже на том берегу. Затор образовался у нижнего конца камня; где было самое узкое место реки. В какие-нибудь пятнадцать минут всё тесное пространство между камнем и левым берегом было плотно забито льдом. Льдины были сдавлены с такой силой, что некоторые из них выбрасывало вверх, и они с грохотом опрокидывались на другие. В верховье они еще шевелились, словно пытаясь вырваться из этих тисков; а внизу, у камня, уже были совершенно неподвижны.

Решение созрело мгновенно. Ванюшка нахлобучил глубже шапку, оглядевшись по сторонам; точно не хотел, чтобы кто-нибудь видел его в эту минуту; и стал выкладывать из коневы ящики. Ему бы только переправить их на другой берег; а там уж он мигом добежит налегке до лесопункта и вернётся за ними с лошадью!..

Выложив груз на снег, Ванюшка под уздцы отвел Карько к тому месту, где начиналась прямая дорога на Маслянку, прикрутил вожжи к оглоблям и, стегнув лошадь, пустил ее одну. Он не сомневался, что она придет к жилью.

Отрезав себе таким образом путь к отступлению, он спустился к воде и долго присматривался, где она шла не слишком быстро. Поднять оба ящика ему было не под силу; да он и не смог бы двигаться с ними по льду. Он взял один, прижал его к груди и осторожно ступил на лёд.

Уже с первых шагов он убедился, что лёд выдерживает его превосходно. Ни одна из льдин не шелохнулась под ногой, так крепко они были прижаты друг к другу. Трудность заключалась в том, чтобы не споткнуться и не упасть. Ящик перетягивал, нести его было очень неудобно, острые углы его больно резали руки. Ванюшка прилагал все силы, чтобы не выпустить его из рук. К тому же нужно было торопиться. На левом берегу ждал второй ящик, а река хотя была и не широка; но опасна, и в любую минуту могла взыграть и разбить затор.

Вот и берег... Ванюшка свалил свою ношу на камни, и сам опустился на все. Ему стало жарко в коротком ватнике, он весь вспотел, а ладони палило как огнем. У него хватило сил поднять ящик выше по склону, и после этого он отправился за вторым.

Он прыгал с льдины на льдину; рискуя провалиться в разводье, и ему казалось; что они уже не так устойчивы под ногой; как четверть часа назад.

Он взмок окончательно, однако не дал себе ни на минуту передышки. В сл
бом поскрипывании льда он чуял угрозу себе. Подхватив второй ящик, (
бросился с ним через реку.

По теперь сил было меньше, и дорога показалась значительно длинне
Ванюшка замучился с ящиком. Он уже не ощущал своих ладоней, грудь ныла -
так сильно прижимал он к себе ящик, дыхание спирало. На полпути он спо
кнулся и едва не выронил ящик, больно ударившись коленком о ледяной ус
туп.

В эту минуту издали донесся громкий удар, за ним — другой... Точн
стреляли из пушки. Льдина, на которую ступил Ванюшка, внезапно качну
лась под ним, и он едва не полетел в воду. В следующую минуту все вокру
пришло в движение. Льдины зашевелились, зашуршали. Ванюшка успе
перебежать еще две или три из них; и вдруг обнаружил себя плывущим. Дальш
бежать было некуда. Между ним и берегом легла широкая полоса воды; и са
берег вдруг качнулся и медленно поплыл в глазах...

Вода прорвала ледяную плотину; напор был слишком велик, чтобы он
могла долго удержать такая преграда. Ледоход возобновился с новой силой

Теперь лед шел сплошной массой; и если бы Ванюшка был налегке, он
возможно, сумел бы, перепрыгивая с льдины на льдину, добраться благопо

лучно до берега. Но ящик стеснял его, ящик сковывал движения, и Ванюшка стоял в нелепой и напряженной позе, обхватив ящик обеими руками и широко расставив ноги. У него мелькнула мысль бросить ящик, но было уже поздно. Прямо перед ним вставала серо-зеленая громада Оленьего камня. Она надвигалась, течение прибивало льдины к камню. И вот уже льдина вошла в его мрачную тень; шелест трущихся льдин и журчание воды сразу усилились, звуки дробились и множились в этих стенах. Казалось, Ванюшка попал в центр кипящего водопада.

От камня веяло холодом и сыростью. Ванюшка мог достать до него рукой, берег был тут, близко, но... он был неприступен! Ни одного уступа, ни одной выбоины!

Льдина крошилась от соприкосновения с камнем. Она таяла на глазах, медленно вращаясь. На минуту Ванюшка увидел левый отлогий берег, потом опять камень, потом снова левый берег и снова камень. После третьего оборота он отчётливо понял, что льдина долго не выдержит, что каждый новый оборот неизбежно приближает его к гибели. А камень длинен, на сотни метров тянется он вдоль берега, и льдина — такая маленькая в сравнении с ним...

И тут Ванюшка испугался. Испугался, быть может, впервые в своей жизни. Он привык к суровой природе родного края, он не боялся ни зимней стужи, ни летних грозовых ветров, которые срывали крыши с изб, ему довелось однажды повидать в лесу и живого медведя, — но и тогда Ванюшка испугался не слишком сильно, но тут он испугался по-настоящему. Сердце вдруг стало тяжелым, словно вместо него положили кирпич, в ноги ударила непривычная дрожь.

Ему опять захотелось бросить ящик, чтобы попытаться самому спастись вплавь. Какое-то мгновение это желание было настолько сильным, что он едва не поддался ему, но тут же представил себе — с какими глазами он явится к Лосеву, и удержался.

Льдина описала еще один оборот. Она стала совсем маленькая и круглая. Холодная и мутная вода Чусовой уже оплескивала ноги мальчика.

Еще минута — и льдина уйдет под воду... И тут он увидел широкую расселину в скале с довольно пологим спуском; она делила камень на две неровных части. Если изловчиться и прыгнуть, то...

Ванюшка измерил глазами расстояние. Только бы льдина прошла не слишком далеко!.. К счастью, льдину влекло точно в этот угол. Здесь был водоворот. Ванюшка напряг все силы и постарался спокойно рассчитать прыжок, чтобы не прыгнуть раньше времени. Ещё... ещё... Он набрал дыхания... Ну, разом! Льдина рванулась из-под ног, ящик вылетел из ослабевших рук и откатился в сторону. Когда Ванюшка оглянулся; льдины уже не было, только мелкие куски льда медленно кружились в водовороте. Надо было выбираться наверх.

Это был трудный подъем. Сил уже почти не оставалось, в глазах прыгали зеленые круги. Ванюшка останавливался, отдыхал и снова лез на кручу, толкая перед собой ящик. Он в кровь разодрал себе руки, цепляясь за острые выступы скал, срываясь и падая. Раз ящик вырвался из рук и с железным стуком покатился вниз, но, к счастью, попал в куст и задержался там.

Вот и вершина... Ух, и высоко! Здесь гулял свежий ветер и протяжно шумели вершинами сосны. Может, отсюда и бросился в реку олень? Ванюшка нагнулся и поглядел вниз на Чусовую. Отсюда она показалась ему совсем нестрашной. Она шевелилась и ползла, точно пятнистая змея. Вишь, расшу-

мелась!.. Ванюшке стало весело при мысли, что река уже больше не мож
погубить его. Только бы не попало ему теперь от Василия Ивановича!.. И т
неожиданно он подумал о том, что, пожалуй, Лосев ничего бы и не сказа
раз дело получилось серьезное, и, он, Ванюшка все-таки дороже железного ящи
с кино-лентами.

Теперь скорей на лесопункт! Солнце уже садилось за горы. Лесору
увидят сегодня «Разгром немецких войск под Москвой!» Ура, ура! Ванюш
был готов пуститься вприсядку от радости. И трудно было сказать, что больше р
довало его: то ли, что увидят картину лесорубы, или, что он сам увидит ее.

Он дотащил ящик до того места, где лежал первый. Вытер лицо рукаво
передохнул, оглянулся назад, где гремела река, и принялся оттаскивать ящи
с дороги в сторону — чтобы ненароком не раздавил их какой-нибудь проход
щий мимо трактор...

ВЕТЕР

Илья Садофьев

Рассыпая бисерные блёстки,
С гор Уральских свежий ветерок
По широким улицам свердловским
Пробегает вдоль и поперёк.

По проспекту Ленина пронёсся
И по льду Исетского пруда,
Раскачал у всех причалов тросы,
Погудел в трамвайных проводах.

Искры инея стряхнул с берёзы,
Заглянул мельком на стадион.
Что ему уральские морозы
И прозрачный звонкий небосклон!

Треплет встречным девочкам кудряшки,
Словно хочет что-то рассказать;
Порезвиться, поиграть в пятнашки,
Вперегонки к дому пробежать.

Закрутился вихрем торопливо;
И узнали, вспомнили они:
Свежий ветер с Финского залива
И родного города огни...

Золотое, радостное детство,
Летний сад, раздольная Нева,
Золотое радостное детство,
Взморье, Кировские острова...

Не случайно этот свежий ветер
Трём подругам по-родному рад,
Будто их тепло и нежно встретил
Ласковый, любимый Ленинград.

Не случайно светит солнце ярко;
И родимый ветер, не спеша,
Деловито осмотрел подарки:
Хороша ли дружба? Хороша!

Покрутил снежок на перекрёстке,
Шевельнул на площади плакат,
Погасил пылавший над Свердловском
Розово-оранжевый закат...

И опять шагает с ними рядом,
Как хороший, неизменный друг,
Никакой не требуя награды
От весёлых молодых подруг.

И смеются девочки задорней,
Вот ещё последний поворот, —
Вот знакомый седоусый дворник,
Разметает тропки у ворот.

В этом доме, светлом и высоком,
Их друзья... и самый молодой —
Ленинградец, славный, храбрый сокол,
Славный сокол Балтики родной.

В каждом слове, в каждом тёплом взгляде
Столько светлой радости у всех,
Будто вновь представлены к награде
За геройский боевой успех.

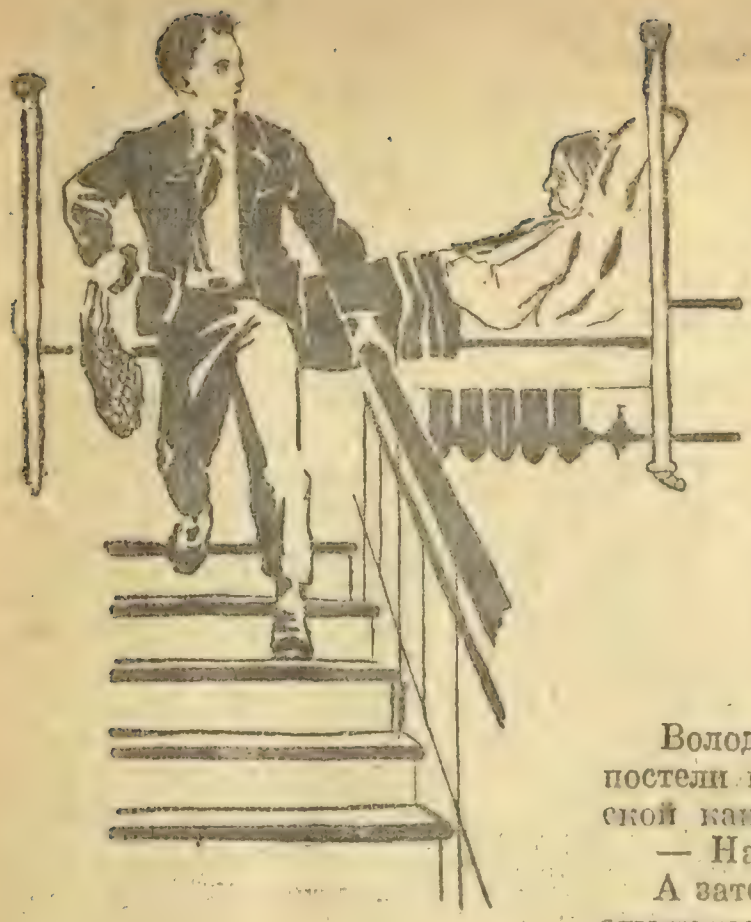
И беседа звонкая, живая,
Ручейками вешними журчит,
Тает боль, и раны заживают
И улыбок ласковы лучи.

И цветут на столиках подарки
У кровати каждого бойца,
Как цветы на клумбах в полдень жаркий,
Наполняя радостью сердца.

И простое ленинградца слово
Так же, как прощанье, горячо:
Скоро с вами встретимся мы снова
Там, где невская вода течёт.

Не скрывая гордости высокой,
Майским, солнечным, веселым днём, —
По аллее Ленина широкой,
По проспекту Кирова пройдём.

Путь победы радостен и светел,
Дружба смотрит солнца веселей...
Не спроста родных просторов ветер
Вместе с нами ходит по земле.



БАБУШКА

Е. Ружанский

Рисунки В. Цигаль

Володя сидел на краю бабушкиной постели и, прислушиваясь к артиллерийской канонаде, то и дело повторял велух:

— Наши... кронштадтские бьют...

А затем добавлял, чтоб бабушка не слышала:

— А это немцы...

За время войны слух у Володи обострился, и он научился различать: стреляют ли по городу или из города. Но бабушка боится стрельбы. Её квартиру на Петроградской стороне разбило снарядом. Бабушку тоже поранило осколком. И вот она теперь, больная, лежит на володиной кровати и при каждом выстреле стонет и крестится.

— Сохрани нас, господи! — шепчет она, и глаза её становятся другими, просящими, как у нищего. Володя не любил эти глаза. Он любил настоящие бабушкины глаза — светлые, добрые и всегда весёлые. Потому, быть может, он и хотел успокоить бабушку и при каждом выстреле повторял велух:

— Это наши, кронштадтские бьют...

Бабушка, видимо, успокаивалась, так как переставала креститься и, приподымаясь на локти, смотрела в заколоченное досками окно, приговаривая:

— Так их, так их, псов поганых, гоните их со двора нашего, родненькие мои...

Глаза у бабушки менялись, они становились ласковыми. И Володя был доволен. Он вставал, и как отец, засунув руки в карманы пиджака, расхаживал по комнате.

— Нам, бабушка, бояться нечего,— говорил он, как взрослый разговаривает с ребёнком.— У нас в Кронштадте такие пушки есть, что они за сто километров стреляют и попадают в самую точку, куда надо. И самолёты у нас хорошие. Вот даже вчера сам отец мне сказал, что самолёты и пушки у нас лучше, чем у немцев. И вообще, бабушка, немцам всё равно будет капут, вот увидишь...

— Правда, миленький, правда, — уже совсем успокоенная отвечала бабушка,

но тут же виновато добавляла:— а вот; когда бухают пушки, мне как-то страшновато... да, страшновато...

Бабушка о чём-то задумывалась и засыпала... Вот и сейчас она заснула, и Володя свободен. Теперь он может уйти по своим делам. А дел у него много, надо сходить и проверить — есть ли в бомбоубежище кипячёная вода, в порядке ли аптечка, на месте ли дежурные; осмотреть чердаки, и наконец, сходить в булочную за хлебом.

Тихонько на цыпочках, чтоб не разбудить бабушку, вышел Володя из комнаты. Быстро сбежал он с четвёртого этажа по лестнице вниз.

Вечерело. Сентябрьские сумерки окутывали здания. У ворот на дежурстве стоял старик с бородой, из шестнадцатой квартиры. Володя забыл его фамилию, забыл, как звать его. А поздороваться надо. Нельзя же пройти мимо него и не поздороваться. Володя потоптался на месте, походил немного по двору, силясь вспомнить фамилию старика. Но фамилия, словно ускользала из памяти. Вдруг Володе пришла на ум очень простая мысль: посмотреть на «Доску актива П. В. О.», которая была вывешена во дворе. И тут Володя сразу вспомнил фамилию старика, не глядя на доску. Спокойной и уверенной походкой хозяина он вышел за ворота и поздоровался:

— Здравствуйте, Моисей Яковлевич! Как у вас сегодня дежурство проходит? Всё в порядке?

— Здравья желаю нашему начальнику, — улыбаясь ответил старик.— Я, как старый солдат; привык к порядку, — всё с той же улыбкой продолжал он. — Дозвольте доложить: никаких чрезвычайных происшествий за время моего дежурства во вверенном мне объекте не произошло. — Затем; перейдя на более дружественный тон; спросил: — А как бабушка поживает? Как она?

— Ничего, — ответил Володя, — бабушка поправляется, только... — Володя хотел сказать, что его бабушка канонады боится, но ему стыдно стало за бабушку, и он, помедлив, закончил: — только не лежится ей. «Пойду, говорит, я на улицу да подежурю у ворот. Вон Моисей Яковлевич, какой старик; а дежурит. Чем я хуже...» У меня, Моисей Яковлевич, бабушка; что надо, боевая, она ничего не боится...

В это время снаряд со свистом пролетел над домом и, разорвавшись где-то за углом, поднял кверху груду асфальта; который, раздробившись, полетел вниз на крыши и тротуар. Старик увлёк за собой Володю под арку ворот и; словно ничего не произошло, продолжал разговор:

— Твоя бабушка права. Зачем бояться? Если бояться, то разве станет легче? Нет, наоборот, станет тяжелее. Она молодец, твоя бабушка.

Володе было приятно, что хвалят его бабушку. Но ему надо спешить, у него ещё много дел впереди. Надо; пожалуй; сначала сходить за хлебом и; заодно посмотреть, где упал снаряд.

— Ну, Моисей Яковлевич, я пошёл в булочную, скоро вернусь, — сказал Володя и вышел из-под арки на улицу. Он пересёк дорогу, повернул налево и очутился на проспекте Володарского. Тут он увидел большую воронку, выбитую дальнобойным снарядом. Милиционер наводил порядок, то и дело обращаясь к собравшейся публике.

— Граждане, прошу разойтись. Сейчас аварийная бригада приедет, а вы тут скопились. Прошу разойтись...

Володя прошёл дальше. «И зачем;— подумал он,— люди толпятся». Он снова

пересёк улицу и пошёл к булочной. Но хлеба в булочной не оказалось. «Хлеб будет через час» — сказали ему. И Володя пошёл дальше, в следующую булочную. Там хлеб был, и очередь небольшая. Володя стал в очередь. Незаметно подошёл к прилавку. Он стал уже доставать хлебные карточки, как вдруг услышал сигнал воздушной тревоги. Не задумываясь, он выскочил из магазина. Улица была уже почти пустынной. Милиционеры указывали прохожим места укрытия от бомб, дворники и дежурные стояли у ворот, помогая милиционерам. Но Володя бежал домой, нарушая всякие правила. Милиционеры свистели, останавливали его, но Володя, оправдываясь, объяснял:

— Товарищ милиционер, у меня там бабушка больная одна осталась. Мне близко. Вот тут за углом мой дом. Товарищ милиционер...

Но милиционер и слушать не хотел.

— Заходи под ворота, да в бомбоубежище быстро! Что ты, порядков не знаешь, что ли, а ещё пионер, с красным галстуком...

Володя пошёл к ближайшим воротам, но, когда милиционер отвернулся, снова бросился бежать домой. «Нельзя же мне, в самом деле, — оправдывал он себя; — оставить бабушку во время тревоги без всякой помощи». И Володя, не обращая внимания на милицейские свистки и на воющие бомбы, бежал дальше. Добежав до своей улицы, Володя увидел, что дом его горит. Бегом бросился он к дому, вскочил во двор и за несколько секунд поднялся по лестнице на четвёртый этаж. Тут были чердаки и несколько мансардных квартир, в одной из которых жил он с отцом и бабушкой. В полутёмном коридоре постоял он несколько мгновений в нерешительности: зайти ли ему сначала к бабушке или повернуть на чердак. Но видя, что пожар их квартире пока не угрожает, бросился к чердаку. На чердаке было светло от пожара, и Володя сразу увидел Моисея Яковлевича. С лопатой в руках стоял он у окна. На лопате лежала зажигательная бомба. Быстрым рывком выбросил он бомбу из окна во двор. Другие люди, различить которых Володя не успел, ломали горящую крышу. Володя бросился к чердачному окну и выскочил на крышу.

— Товарищ начальник, — услышал он за собой шутливый и вместе с тем встревоженный голос Моисея Яковлевича, — разве так можно? Куда полез, там вся крыша горит. Можно пальчики обжечь, товарищ начальник...

И, действительно, крыша во многих местах горела. Вдруг Володя заметил вблизи себя зажигательную бомбу, застрявшую в кровельном железе. Но лома под руками не было, а медлить нельзя. И Володя, схватив бомбу, как его учили в кружке, вырвал её голыми руками и затем ногою сбросил с крыши. Володя обжёг руки, но не заметил этого. Он вернулся на чердак и вместе со всеми стал тушить пожар. Кто-то уже успел подвести к самой крыше пожарный рукав, кто-то подал его Володе, и он стал направлять струю воды поверх огня, как его учили в кружке юных пожарников. Володе показалось, что рукав подала ему бабушка, но, обернувшись, он уже никого вблизи себя не заметил.

Вскоре огонь стал утихать. Люди стали расходиться. Володя устал, он почувствовал боль в руке... Вытерев рукавом пот со лба и осмотрев обгорелую почерневшую крышу, Володя вдруг заторопился. Он вспомнил о бабушке и быстро прошёл к выходу. Но тут остановил его знакомый голос:

— Погоди, Володенька...

У выхода из чердака Володю тронул кто-то за рукав. Он оглянулся и увидел свою бабушку и Моисея Яковлевича. Пальто бабушкино было во многих местах прожжёно; как и у Моисея Яковлевича.

«Значит, и она тут была, — подумал удивлённый Володя — и, она, больная пришла помогать тушить пожар... Неужели не побоялась?»

По прожжённое пальто не оставляло никаких сомнений. Да, его бабушка пришла сюда, не побоялась.

— Что это у тебя, Володенька, руку обжёг? — спросила ласково бабушка.

— Пустяки, — ответил смущённый и растерявшийся Володя. — Ты, наверно, устала. Пойдём домой.

Володя пропустил вперёд бабушку и, обернувшись к Моисею Яковлевичу, с гордостью прошептал ему на ухо:

— А что, Моисей Яковлевич, правду я говорил, моя бабушка ничего не боится. Бабушка у меня — что надо, боевая... — сказал он и быстро зашагал по коридору.

М. Шагинян

В уральских лесах есть маленькая станция. Да и какая это станция — вокруг ни жилья. Снег опушил деревья, сугробами лег у шлагбаума. Только одно большое здание вдалеке, — длинное, каменное, с обыкновенным крылечком. Но из труб его валит густой дым. Из окон мерцает странное, синевато-красное пламя. Дом кажется волшебным. Попробуем тихонько подойти к нему и заглянуть в него.

Скрипнула дверь, пахнуло в нее жаром и запахом неведомого зелья. И вдруг — перед вами открылось необычайное, невероятное зрелище.

В длинном, освещенном пылающей печью зале танцуют девушки. Много девушек, около двух десятков. Странно они танцуют. На бледных, молодых лицах серьезность и напряжение, брови сдвинулись, в капельках пота. Танец вам неизвестен. Извиваясь с миловидной грацией, девушки пятятся назад, покачиваются всем корпусом то в одну, то в другую сторону, и руки их плавными лебедиными взмахами, словно крылья, то вытягиваются, то изгибаются. Вот вышла одна с тоненькой палочкой в руке. Легкими русалочьими шагами она подошла к печке, окунула в нее палочку, — и подняла. На палочке затрепетал яркий, малиново-синий шарик, словно похищенное из печи пламя. Наклонив голову, жестом музыканта, захотевшего поиграть на свирели, бледная девушка приложила губы к концу трубки, и огненный шарик стал раздуваться и расти, сияя радужными оттенками, как мыльный пузырь, раздуваемый детьми из намыленной пены. А пока он рос и удлинялся, девушка не стояла на месте, она тоже начала пятиться, как ее подруги, не отнимая губ от конца трубочки. Пузырь вытягивался, все дальше и дальше, к другому концу зала, и девушка все помогала его скользящему, извилистому движению — изгибами собственного тела и низкими поклонами.

— Ну что, каковы наши русалочки? — спросил высокий старик.

И правда! Если-б не уральская снежная ночь за окном, а гоголевская майская ночь, да плыла бы в небе ясная луна; да стоял бы вдалеке заколоченный дом украинского сотника, а эти странные белые девушки танцовали бы так над затянутым ряской прудом, — их и в самом деле можно было бы принять за русалок.

А девушки не танцовали. Они трудились. Они выдували стекло.

— До войны ни на одном заводе не было девушек стеклодувов, — скажет вам старик, Павел Дмитриевич Титов, технический руководитель стеклозавода: — на производстве я 51 год считаюсь мастером всех видов стекла, а такого, чтоб девушки стекло дули, признаюсь, не видывал. Тяжкое это дело, не женское! Как началась война, у нас многих работников взяли, ну девушки, и пришли на их место. Молоденькие, а откуда сила берется. Вот эти у нас уже мастера — Верочка Судницына, Рая Якушева, Лена Шевякова и Валя Трифонова, — а возраст их: Вале 19 лет, остальным по 18 лет. Задание на 200 процентов выполняют.

В директорском кабинете стоит простой деревянный шкаф. На полках его расставлены все изделия этого завода — бутылочки с герметически закрывающейся крышкой, колбочки, сосуды, шприцы с делениями и многое другое.

Когда советская девушка стоит в очереди перед дверью донорского пункта, чтобы дать для защитников родины свою молодую кровь, то эту кровь вольют в особую бутылочку, выдутую другой девушкой, — стеклодувом.

Когда сестрица в госпитале, склоняясь над раненым, поднесет ему стаканчик с лекарством, по строго обозначенной на нем дозе, то этот врачебный стаканчик сделан из стекла уральской стеклодувки.

И врач войсковой части, поддержав сердце раненого впрыснутой ему вовремя камфарой, — пользуется шприцем все той же девичьей изготовки.

Нет малых работ на нашей родине! И в каждой работе — сердечная, полная самоотдачи, любовь к защитнику родины — далекому бойцу.

ВИТЯ-БЫСТРОРУЧКА

На одном уральском заводе, работает токарем 16-летний уралец, Митя Толкачев. В самые напряженные дни работы над оборонным заказом Витя сбежал из цеха на футбольный матч.

Когда его перебирали, что называется, по косточкам на собрании, Витя стоял молча, глядел вниз, над переносицей его легла морщинка упрямства. В цехе было такое мнение, что из этого парня толку не выйдет.

Но старый умный кировец, Гребс Владимир Федорович, прикрепил мальчика к себе: «Пусть-ка попробует, поработает со мной!»

Старый и малый работали два месяца: Гребс — высокий светлоглазый ленинградец, с лицом и повадками северянина, молчаливый человек. И Витя, — курносый, тоненький, и тоже, по-уральски, молчаливый.

Гребе с цехом не делился, как идет работа, и ничего не рассказывал о Викторе. Но вот Владимира Федоровича выдвинули мастером, и Витя остался один на его месте, на почетном гребовском месте, — где работал виртуоз, знаток своего дела. Нет учителя, — но его место осталось за Витей, добрая слава токаря Гребса и его станка сделались наследством Вити. Ничего никому не говоря, Витя трудился изо всех сил, трудился в упоении, перенеся в работу весь свой задор футболиста, всю радость ощущения своих мускулов, своей ловкости — и через несколько дней, на удивление цеха, начал выполнять бывшую выработку Гребса. Место его учителя заработало на полный ход, попрежнему! С тех пор Витя Толкачев вошел в график стахановцев. В цехах впервые увидели, какие золотые руки у мальчика. Про него пустили хорошее слово «быстроручка», стали звать его «Толкачем». А Витя, как бы не чувствуя новой своей репутации, не заносясь, с уральской упряминкой, подталкивая за собой других, вышел на самую передовую линию.

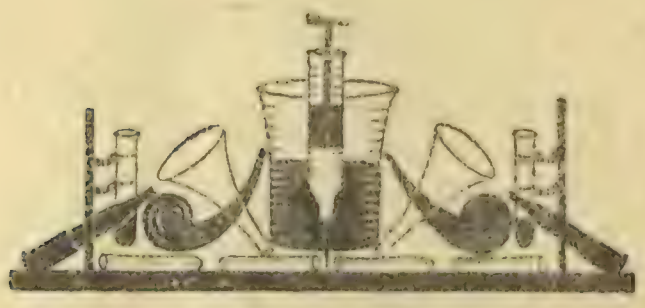
Прежде чем ввести на заводе новую норму, ее дают обычно на пробу, на подготовку, чтоб посмотреть, как с нею справятся рабочие. На новую пробу поставили Витю-Толкача. Он сделал 16-часовую работу в 8 часов. Снял и сложил свой фартук. Вымыл руки, вытер их насухо, пришел в контору и, ни на кого особенно не глядя, деловым тоном сказал:

— Желательно внести 1000 рублей на танковую колонну.

Из кармана своей курточки Витя вынул кошель, отсчитал аккуратно деньги и положил их стопочкой. Вите дали расписку и сказали:

— Ну, Толкачев, на сегодняшний день ты свободен. Иди хоть в футбол играй, дело свое ты сделал.

Виктор поднял глаза на говорящего, попробовал было снисходительно, как взрослый на шутку усмехнуться: мол, не такое время, чтобы в футбол играть! Но шестнадцать витиных лет взяли свое, и мальчик увидел перед собою законное, свободное, заработанное честным трудом время, как светлую, длинную, приятную дорожку отдыха и удовольствия, — и вдруг, повернувшись, вприпрыжку побежал к выходу.



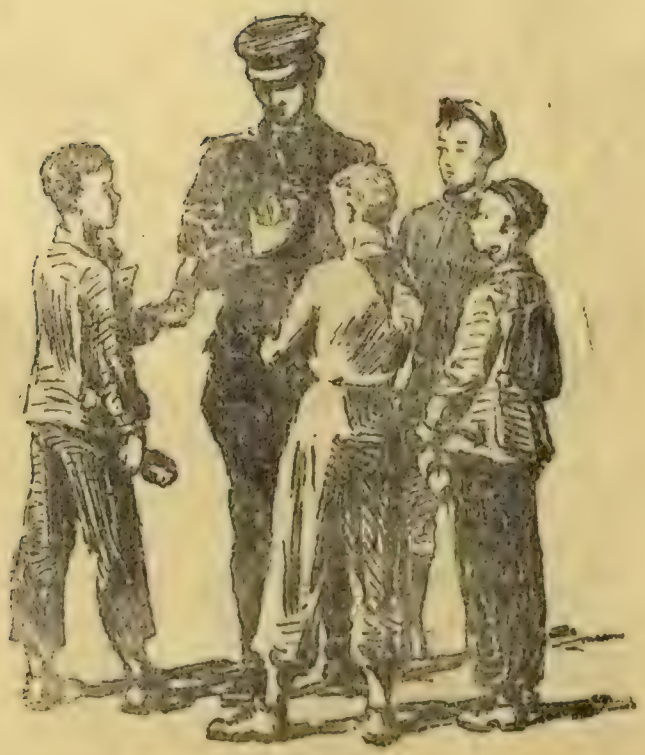
МУШКЕТЕРЫ

Константин Мурзиди

Рисунки Е. Гилевой

Атос, Портос и Арамис —
Три славных мушкетера —
Весенним утром собрались
У старого забора.
И почему-то был Атос
В голубоватой майке,
В зеленой курточке Портос
И Арамис в фуфайке.
У них пока оружья нет
И вот, затеяв споры,
С утра собравшись на совет.
Решают мушкетеры:
Из жести шпаги быть должны,
Из дерева, мушкеты.
Но, как и водится, длинны
Военные советы.
Еще не выработан план,
Приказ не зашифрован.
Но вот явился Дартаньян
И говорит: «здорово»!
Он жил у речки на горе,
Учился в третьем классе,
И Дартаньяна во дворе
Девчонки звали Васей.
Подсев с улыбкою к друзьям,
Он говорит: — «Ребята,
Вот посмотрите, сделал сам —
Хорошая граната?
Такую сделать нелегко,
И повозился с нею,
Зато летает далеко,
Когда швырнуть сильнее!
Кольцо, набивка — все мое,
И рычажок в порядке».
«А ты не в школе взял ее —

У нас на спортплощадке?» —
Спросил Атос. И Дартаньян
Сказал Атосу — Коле:
«Когда-б понадобилось я,
И сам бы сделал школе.
Смогу такие — хоть на бой.
И чтобы кончить споры,
Начну сейчас!»—И мы с тобой —
Вскричали мушкетеры.
Атос, Портос и Арамис
Вперед шагнули смело,
У Дартаньяна собрались
И принялись за дело.
И смастерили десять штук,
Умело и надежно.
Позвал их школьный военрук:
— А ружья сделать можно?
Они ответили тогда:
— Конечно можно. Что вы!
Мы — пионеры, мы всегда
И ко всему готовы!



МИТЬКА-СТОЛЯР

А. Крутиков

Рисунки Е. Гилевой

Митька Соколов был круглым сиротой и жил в приюте, где было тесно шумно и грязно. От скуки мальчик целые дни щепал ножиком лучинки и делал из них кроватки, клетки, маленькие избушки.

Однажды в сиротский дом пришел старик-столяр починить рамы, мебель. Митька не отходил от него. Он то и дело пробовал действовать рубанком, молотком, пилой и даже топором. Столяр добродушно говорил ему:

— Смотри, отрубишь себе ногу, с деревяшкой ходить будешь.

Митька подавал ему инструменты, держал доску, или убирал стружки. И дед ворчал меньше. Он рассказал Митьке, что он не простой человек. Никто иной, как он, делал гроб покойному губернатору. Он же и заколачивал гроб. И тут приключилась с ним одна история. Он никому обычно об этом не говорит, но Митьке, так и быть расскажет. Желая угодить семье покойного губернатора, он выбрал гвозди подлиннее, чтобы гроб заколотить покрепче. Но, как на грех, рука сорвалась, гвоздь «в головах» пошел косо, попал в пустоту гроба и воткнулся куда-то. Ну, куда он мог воткнуться? Ясно, губернатору в голову. Никто не заметил этого, так и запечатали цинковый ящик. Но дед все же побаивается, как бы это дело не вышло ему боком. Недаром, у него левая рука пощипывает, да и нога по земле тащится. Вот и глаза слезиться стали. Тут тоже, вероятно, не без покойного губернатора. А из-за слёз дед плохо

размерил длину и толщину: то отпилит конец доски короче, чем нужно, то сострожет больше, чем полагается.

— Ишь, лешова сила, путает как, — ворчал дед. — Делаю верно — выходит чепуха. Э-эх! А во всем виновата моя опилошка с губернаторской головой. Умри он ещё раз — забил бы гроб, на первый сорт. Дело одним словом, гиблое. Как ты думаешь, чудашка?

— Никакое не гиблое, — говорил Митька. — Давай я тебе отмеривать доски буду.

Глаз у Митьки был верный, слёз не знал. Если Митька был голодный или его драли — он никогда не ревел, а старался вывернуться, укусить руку или спрятаться. Митька знал аршин и все метки на нем — вершки, полувершки, четверти и даже восьмушки. По ним точно отмечал длину, ширину и толщину досок. Скоро без Митьки дед был как без рук, хотя и виду не показывал. Да никому и невдомек: Митька сам к нему льнул — не оторвешь. Дед ни разу не обругал его, не обращал внимания на то, что Митька сегодня неумытый, что рубашку разорвал, штаны замазал, носы у ботинок разбил, тогда как воспитатели только и замечали эти митькины недостатки. Кроме того, дед всегда что-нибудь рассказывал и в тысячу раз интереснее, чем глухой наставник, который то и дело нюхал табак, чихал и забывал на чем кончил свою беседу. Наставник говорил им, что надо быть добрым в то время, как в приюте все были сердитые, злющие; говорил о смирении, хотя всяк норовил задеть другого; говорил о послушании, хотя никто не слушался и за это ребят драли как сидоровых коз.

А дед Поликарп рассказывал так, что ни словечка нельзя пропустить и еще расспрашиваешь, например как пчел разводят, как их обманывают, чтобы медок вынуть. Митька никогда не пробовал меда и просил деда объяснить, что за мед такой, какой у него вкус.

— Да такой сладкий, что язык откусишь, — отвечал дед.

Дед еще рассказывал о ловле рыбы ночью:

— Разведешь огонь в лодке. Вода от огня просвечивает на сажень, а то и на две. Рыба как на ладони видна. Ка-а-ак ударишь в нее, в самую-то, острогой, так она, голубушка, и взовьется, только знай вытаскивай.

И опять непонятно Митьке — как же рыба спит, кровать у нее в воде что-ли. И снова допытывается у деда ясности.

— Да стоя спит, чудашка! Плывет, плывет и остановится, только плавничками чуть шевелит.

Раз дед рассказал, как его однажды придавил целый дом при вывешивании для закладки нового фундамента. Митька сколь ни расспрашивал — не мог понять — как можно взвесить дом. Дед говорил, что не бывает при этом ни весов, ни гирь — бревнами вывешивают. Но как это делают, так Митька и не понял.

— Пристал, как банный лист, — сказал дед. — Вырастешь — узнаешь. Может, и самого придавит домом, тогда, брат, сразу поймешь, как вывешивают их без весов.

Месяца два провозился дед с починкой мебели в приюте. С утра и до вечера Митька был возле него. Чему-чему он не научился у деда: и пилить, и строгать и долбить, и шлифовать, и красить, и даже лакировать. Он совсем отбился в приюте от рук. И на него, наконец, махнули рукой: не пропадет, ну и ладно. Даже есть не хотел Митька за общим столом. Он забирал свою чашку жидких щей и бежал к деду. Здесь, среди стружек и опилок, однообразная приютская еда каза-

лась вкуснее. Кроме того, дед угощал его луковицей. Ломоть хлеба с солью и луком был Митьке слаще малины.

И вот однажды дед огорошил его: завтра вся почанка в приюте кончается. Значит, с Митькой он — до свиданья, до будущего года.

Митька так и обомлел.

— А я не хочу, — заявил он деду.

— Чего не хочешь?

— Оставаться тут не хочу.

— А куда же ты денешься?

Митька на минуту задумался, потом взглянул на окно, встряхнул головой и сказал:

— Убегу.

— Куда, дурашка? Поймают ведь, семь шкур спустят.

— А, может, еще и не поймают. Вот только никто жить не пустит, а уж с тем я сумею, давно приметрелся: с лестницы на чердак, с чердака на крышу, с крыши на тополь, а по нему на тротуар — и давай бог ноги.

А дед как будто про себя бормочет:

— Не без добрых душ на свете, потому самому, бывало; не раз и укрытие давали и кусок хлеба. Доведись теперь случай — разве откажешь.

А громче да нарочно явственней дед говорит другое:

— Терпи, дурашка. Вот вырастешь, тогда на все четыре стороны проводят, потому казенный хлеб берегут во-как.

Ушел дед. Попрощался с Митькой за руку, как со взрослым, пообещал на будущий год опять с ним тут поработать и поплелся, похрамывая на левую ногу.

После ухода деда Митька стал сам не свой: он не слушался, грубил, бил посуду, дрался и то и дело стоял в углу.

На третий день к вечеру Митька пропал. Его искали всюду: в шкафах, под кроватями, в чуланах, в подвале, на чердаке, в сарае, в погребе. Парня нигде не нашли. Решили, что, померзнув ночь на улице, Митька одумается и придет с повинной. Но утром Митька не явился. Тогда заявили в полицию. Полиция два дня искала беглеца, нигде не нашла, на том и кончилось. В приюте Митьку забыли.

А в это время с Митькой было вот что. Когда вечером он выбрался из приюта, то сразу направился к деду-столяру. Приблизительно он знал, где живет дед. Хотя до поступления в приют ему было всего восемь лет, он помнил все улицы и переулки в этом районе. Знал все голубятни, сады, где водились яблоки и где не было собак и заборов с гвоздями. Во время работы с дедом он хитро расспросил его, где он живет, какой дом и кто соседи.

И вот Митька стоит у низенького покосившегося домика и гадает как войти в него. У дома калитки нет и парадное заколочено. В доме горит огонь. Значит, люди живут и, значит, он, старый, где-то тут вот за этой стеной. Может, сидит дед за чайком, а того не знает, что Митька уже полчаса стоит на улице в одной рубашке, без шапки, и не знает как попасть к деду. Не через забор же. Перемахнуть через него Митьке, конечно, раз плюнуть, а вдруг там за забором собака или стекло битое. Нет, он должен держать ухо востро. Он не хочет, чтобы его обратно проводили в приют.

И Митька ходит вдоль забора и соображает, — где и как заходит дед в свой дом. Не по воздуху же он летает, не парадное же расколачивает каждый раз. Знать, дед и впрямь чудаком стал после истории с губернаторской головой.

Однако, чудак-то оказался сам Митька. Он не догадался, что дом-то угловой, и другой стороной выходит в переулок. Ну, так и есть, вот и калитка. Правда, от забора её не отличишь, так ловко она пригнана. Митька нащупал пальцем две прорези в заборе, нашёл между досок планочку, нажал ее, она подалась и, пожалуйста: внутри болтается кусок веревки с узлом на конце. Митька, не задумываясь, дёрнул за веревку и прислушался — ничего не слышно. Он присмотрелся внимательно к забору и удивился. Оказывается, ворот никаких нет. Чудно! Неужели деду не приходится чего-нибудь привозить? А впрочем не важно. Митьке сейчас не въезжать на лошади. Он готов влезть вот в эту щель,

только бы поскорее уйти с улицы. Переулок хоть глухой, но кой-кто проходит. И каждый, вероятно, интересуется — почему так долго стоит тут паренек без шапки в тёмную ветреную ночь. Митька дернул за веревку еще раз. В доме хлопнула дверь, кто-то вышел на крыльцо, стоит и прислушивается. Митька тихонько кашлянул и сейчас же услыхал старушечий голос:

— Кто там?

— Я.

— Проходи, батюшка, а то собака осердится.

И дверь захлопнулась.

Вот так номер! Митька даже присвистнул. Но он парень решительный. И деться ему некуда все равно. Не ночевать же ему на улице или обратно идти в сиротский дом. Митька дернул за веревку снова, дернул решительно, раз пять подряд. Опять отворилась дверь, опять кто-то вышел, но шаги уже другие...

— Кто-й та-а-м? — спросил знакомый голос. Митька мог бы узнать его из тысячи голосов. Кто другой, как не дед может издавать такие переливчатые звуки, похожие на бульканье воды в горлышке бутылки.

— Это я — Митька.

Митькин голос самый обыкновенный, как у всех мальчишек его возраста. И он слышит в ответ:

— Митек, дурашка, много. Если каждый Митька вздумает ко мне стучать — не наотпираешься.

— Да это же я — Митька из приюта.

— У-у-уй, ты, неладный... И орет на всю улицу. Нет, чтобы...

Ноги торопливо зашаркали по песку, калитка заскрипела, потом зазвенела и потом щелкнула. Дедова рука быстро втащила Митьку во двор.

— Шагай, шагай живо, — говорит дед шопотом,— тут слева у стены Трезорко. Когда чужой человек на улице, он не лает, но во дворе близко не подпускает. Умный пес.

Через минуту Митька очутился в кухне, где с лампой в руке стояла маленькая толстенькая старушка в ситцевом платье. Дед опять громко забулькал:

— Принимай гостя, Офросинья Силантьевна. Гость такой, каких еще и не бывало у нас.

— Милости просим, — певуче заговорила старушка. — Пойдемте в комнату — там печка топится. Ранешко нынче осень-то набегает. Поди, озяб, голубок, садись к огню ближе... А ты отодвинься, Мурыська, вишь разомлела, как барыня. Поди теперь на лавку.

Старички привычно уселись у огонька, усадив Митьку в средину. Он сразу отогрелся и успокоился. Раз так приняли его, значит, главная беда миновала. Теперь он как-нибудь уж устроится с помощью этих добрых старичков.

— Не вытерпел, дурашка, беспокойная твоя голова. Сколь тебе годов-то,— заговорил дед, почесывая подмышками.

— Тринадцать.

— Вот то-то и есть! Кабы пятнадцать было, мы бы взяли тебя да завтра же и усыновили. У нас нету детей-то, а вишь, валимся, все валимся: кто налево, как вот я, кто направо, как наша избушка, а кто вперед, как моя Силантьевна, так что нам подпорочку не мешало бы. Так ли я говорю, Силантьевна?

— Так выходит; Поликарпушко.

— Мы, дурашка, уж давно мозгуем обзавестись подпорочкой. Многих парнишек мне нахваливают. Тебя-то я знаю. А Силантьевна уж мне поверит. — Ты сынком-то нам хошь ли быть, дурашка?

— Хочу.

— И подпорочкой тоже?

— Ну, а как же.

— Вот и нашли, что искали, Силантьевна.

Но спустя минуту дед опять беспокойно зачесался подмышками.

— Только, вишь, ты, беда какая: тебе и четырнадцати еще нету. Значит, должен ты в приюте пока быть, а ты вот взял да и укатил. А тебя придут, да и заберут обратно. Заберут да выпорют. А нас отругают. Отругают да оштрафуют. Так ли, Силантьевна?

— Нет, что-нибудь не так, отец.

— Я тоже думаю, не так. Что-нибудь придумать придется. Дай-ко я понюхаю табачек, подпрочницу мозги старые. Силантьевна, где моя табакерка?

— Да ведь табакерка всегда в жилетке у тебя.

— Так и есть. Вишь, как мозги-то засариваются.

Дед переборщил немножко, положив двойную порцию табаку в каждую ноздрю. Он насилу прочихался. Потом вдруг погрозил кому-то пальцем.

— Ну, кажется, я сообразил, Силантьевна, мы его спрячем.

— Куда это?

— А в баню. Все знают, что я там лес сушу и, почитай, каждый день топлю. Пусть там и живет. Тепло и светло и на усторонье. Мастерская у меня здесь, заказчики туда не ходят. Устрою ему завтра же там верстачок — пусть учится моему ремеслу. Хочешь ли так, дурашка?

— Знамо, хочу.

— Ну, корми его, Силантьевна, да давайте спать. Завтра все устроится.

Дед с Митькой легли на полати, а бабка с кошкой на печку. Всем спалось сладко. Деду и бабке снился приемный сын: будто он уже взрослый и с черными усами. А Митьке снилось, что он так здорово научился делать столы, кровати, сундуки и все прочее, что от заказчиков нет отбою. А кошке Мурыське снилось, что в доме мышей развелось видимо-невидимо: стоит лишь запустить лапу под шкаф, под печку, как сама лезет к нему мышь, а то и две сразу.

НА УРАЛЕ

ГОРОД БУМАГИ И НЕФТИ

Евг. Пермяк

МЫ УЕЗЖАЕМ НА КАМУ

Приятно много лет спустя проехать по старой, знакомой дороге, где с каждой станцией что-нибудь связано приятное или, наоборот, печальное. Но и оно теперь, сгладившись временем, выглядит лучше и даже хорошо.

Старая горнозаводская дорога, соединявшая некогда старую Пермь (Молотов) со старым Екатеринбургом (Свердловск), связывает ныне крупнейшие заводы Среднего Урала. Здесь горы круче, выемки глубже, насыпи выше, нежели на главной магистрали, идущей от Москвы до Владивостока.

Знакомые по названиям заводы глаз видит заново. Не узнать их теперь. Изменились они за эти годы. Выросли, похорошели. Узнаю ли я родной город? Он близко. Уже мелькнула полоска Камы.

Кама! Что может сравниться с родной рекой, с синевой её леса, уходящего за горизонт, с её пароходами, баржами, плотами, набережной и бесконечными маленькими судами, стоящими на приколе и бороздящими её зеркальные воды.

Здравствуй, город, любимый и милый! Здравствуй, вокзал! Здравствуйте, улицы, дома, переулки, скверы, сады, мостовые, трамваи.

Мой город теперь оброс заводами. Дымны и шумны его окраины.

Мы едем на глиссере.

Он высоко поднял нос и скользит по воде на большой скорости.

Вот и Нижняя Курья, чудесное дачное место, вот и Нижние Муллы. Отъехали двадцать пять километров от города. А вот и дым. Сейчас за мысом покажется Краснокамск, новый незнакомый мне город.

Я помню, хорошо помню этот высокий берег. Здесь шумел бор. А теперь... Грубы, заводские здания, нефтяные вышки, новые дома, новые улицы. Город. Большой город!

Катер сбавил ход, повернул к берегу. Мы причалили, вышли на берег.

Через час мы на бумажной фабрике.

ОТ ЕЛОВОГО БРЕВНА — ДО БУМАЖНОГО ЛИСТА

Брёвна сотнями тысяч сплавляются с верховьев Камы, и горы их разгружаются на краснокамский берег. От берега до бумажной фабрики брёвна плывут по каналу и вплывают в цех фабрики.

Лента транспортёра огромной ширины подхватывает бревно и несёт к пилам. Дз-з! Бревно разрезано на полутораметровые чурки. После пилы огромные

«фрезы» снимают с чурок кору, и они чистые, без единого пятнышка, поступают в дробление и превращаются в мелкие щепки.

Технолог ведёт нас к котлам. Котлы стоят в ряд, как на параде. Высоченные, цилиндрические. Пронзительный звук сирены. Нас просят выйти из цеха.

Начинается выпуск сваренной древесной массы. Котёл освобождается от неё под большим давлением пара. Это небезопасно...

Мы пошли в цехи, где промешивается и мельчится, превращается в тончайшее волокно эта древесная масса, эти недавние стволы прикамских елей.

Здесь так всё ново и поразительно, что мы не успеваем спрашивать названия агрегатов и производственных процессов. Мы видим множество бассейнов, в которых движется, растирается белая масса. Она, как сырая вата. Волокна её настолько тонки, что их трудно различить глазом.

Нам понятно в общих чертах, как превратилось бревно в эту белую массу. Но нам хочется поскорее узнать, как эта масса станет бумажным листом.

Наконец, нас проводят в цех, где стоят бумажные машины.

Машины — это фабрики! Каждая из них тянется, тянется, и неизвестно, кончается ли она. Она, конечно, кончается. И мы дойдём до конца, откуда выходит бумага.

Машина, которая превращает размельчённую волокнистую древесную массу в бумагу, напоминает ротационную печатную машину. Валов так много, что нет сил пересчитать. Проследим лучше процесс превращения древесной массы в бумагу.

Масса поступает в машину. Она распределяется ровным широким слоем на сетчатой металлической ленте, которая непрерывно движется. Здесь масса теряет часть своей влаги (воды) и переходит на суконную тёплую ленту. Пройдя несколько метров, она попадает в лёгкий отжим между двух тёплых валов. Масса становится суше, а валы всё горячее и горячее. Наконец, бумажная масса подсыхает и спрессовывается настолько, что ей не нужна больше поддержка суконной ленты. Сцепившись своими волокнами, она напоминает слабый лист «промокашки». Затем, идя дальше и попадая между новых валов, всё более и более горячих и плотно прижатых друг к другу, бумажная лента прессуется, становится плотнее. Теперь на ней можно писать карандашом. Валы, всё сильнее прессуют ленту, выше и выше их температура, бумага теряет последнюю влагу. Она стремительно мчится между последних валов и, наконец... из машины вырывается плотная белая, горячая бумажная лента, годная для письма чернилами. Она наматывается на широченный вал.

Теперь её можно разрезать на листы или перемотать в роли, превратить в узкие ленты в метр, полтора, смотря по размеру, который нужен для той или иной печатной ротационной машины.

Дерево стало бумагой.

Было на что посмотреть. И нам хочется рейс начать снова. Снова, самостоятельно, не торопясь, мы проходим по всему циклу, останавливаемся там, где хочется. Разумеется, всего интереснее бумажная машина. Она, наверно, самая длинная, а может быть, и самая большая из всех машин. Вместе с этим, она очень точна во всех своих деталях. Валы её зеркально гладки, зазоры между ними измерены до волоска, сетки и сукна натянуты очень и очень точно, возрастание температуры валов — целая отрасль работы, заправка бумажной ленты и пуск машины — искусство.

Машина много даёт, но много и спрашивает. Она капризна. Она мстит за

малейшее упущение и недосмотр. Если же за ней ухаживают, предупреждают все мелочи, она безотказна в работе, и белая лента бежит так быстро, как автомобиль на самой большой скорости по самой гладкой дороге.

Вечереет. Завтра мы ещё раз придём сюда. Надо побывать в тетрадных, в конвертных цехах, а больше всего хочется ещё раз увидеть работу бумажной машины.

ВОТ ОНА, НАША УРАЛЬСКАЯ НЕФТЬ

Наутро мы ещё раз заходим на фабрику Бумкомбината, ещё раз проходим по всему циклу, ещё раз делаем записи в походных тетрадях, прощаемся с фабрикой и идём на нефтепромыслы.

Нефтяные вышки Краснокамских промыслов всюду: на улицах города, на площадях, на этом и том берегу Камы, на территории заводов, в лесах.

В городе бумаги пахнет нефтью. Приятно пахнет. Высокосортная нефть в Краснокамске. Лёгкая, летучая, с большим содержанием бензина.

Нас привели к новой скважине. Глубока она. Около километра осадочных труб спущено в землю. Не близко лежит нефтеносный слой от поверхности. Зато, пробурив скважину, сдав её в эксплоатацию, много лет можно качать жидкое «черное золото» из дарового нефтебассейна уральской земли.

Щедры уральские недра. Недавно, во время бурения скважины для нефти, чуть ниже Краснокамска, в Усть-Качке, наткнулись на подземное серное озеро. И теперь на этом месте вырос курорт, новая «Мацеста» на Севере.

Заманчиво быть буровым мастером: каждый день чреват сюрпризами, неожиданностями, открытиями.

Большое впечатление оставляют нефтяные насосы-качалки. Максим Горький назвал эти качалки «богомолками». И они очень похожи на богомольных старушек. Денно и нощно качалки кланяются своим рычагом с противовесом и с каждым поклоном земле сосут из неё нефть. Подымая её с километровой глубины, насосы-качалки гонят нефть по трубам в резервуары и баки.

Пять-шесть таких качалок обслуживает один человек «оператор».

От вышки к вышке подходим мы и, наконец, попадаем на крэкинг. Крэкинговый завод занимается расщеплением нефти на бензин, керосин и мазут. Завод сложен, а принцип крэкинга прост. Нефть, нагретая паром, начинает испаряться и первым из неё испаряется самое лёгкое вещество — бензин. Его пары, охлаждаясь, становятся снова жидкостью — бензином. Более тяжёлые пары превращаются в керосин, а остальное в мазут, в тяжёлое топливо.

Опять несколько новых невиданных нами профессий, явлений. Мы не даром провели время в этом царстве бумаги и нефти.

Прощай, милый город Краснокамск. Наш глиссер уже распустил свои пенистые усы и мчится обратно в Молотов.

Подземное путешествие

Г. Вахрушев *Рисунки Е. Гилевой*

Мы плыли вниз по реке Белой, пробираясь с трудом через бурные каменистые перекаты. Река Белая гигантской змеей извивалась среди диких лесистых ущелий, то и дело упираясь в высокие отвесные скалы известняков. Горы становились все выше и выше, а леса гуще и непроходимее.

— Сейчас будет самая большая пещера! — крикнул наш проводник и указал веслом на ближайший выступ небольшой полуголой горы. Но пещеры не было видно. Вход в нее был закрыт густым лесом.

Мы остановились на ночлег у этой горы и отправились искать вход в знаменитую Капову пещеру.

Пройдя долину, сплошь заросшую кустарником и высокой сочной травой, мы неожиданно очутились перед небольшой скалой известняка, в которой огромным черным пятном зиял вход в пещеру. Из черной пасти доносился шум, напоминающий шум водяных колес.

Оказалось, что слева из-под каменной стены пещеры с силой бил мощный источник холодной и удивительно прозрачной воды, образующий далее небольшую речку Шуулган, впадающую в Белую.

Тут же под самой аркой, справа от полузаросшей трещины, мы увидели глубокую воронку, наполненную такой же прозрачной водой. Вода в воронке все время переливалась через край и стекала небольшим ручейком в Шуулган.

Мы зажгли фонари и, пройдя через эти гигантские ворота, сразу очутились в обширном мрачном подземелье.

Каждый звук отдавался многоголосым эхо и нарушал могильную тишину этого мрачного подземелья. Своды пещеры были так высоки, что свет наших фонарей не достигал их, теряясь в темноте. Только вспышки нашего магния на недолго озаряли эти величественные подземные залы. Кругом висели и торчали огромные глыбы известняков, готовые ежеминутно рухнуть. Недалеко стоял каменный стул. Это был сталагмит (натечный известняк), срубленный чьей-то рукой. Корки, щетки и мелкие сосульки натечного известняка (сталактиты) виднелись повсюду на сводах пещеры. С потолка и стен обильно капала вода и стекала в небольшое озерко.

За этим озерком дно пещеры было покрыто мокрыми скользкими обломками и глыбами известняков. Кверху возвышалось куполообразное углубление, в боку которого виднелось темное отверстие. К нему была приставлена высокая деревянная лестница.

Эта таинственная лестница была настолько ветха, что о подъеме по ней не приходилось и думать. Решили починить ее. Притащили в пещеру жердей, пристроили к лестнице всякого рода подпорки, привязали веревками никкие ступени. И один из нас поднялся по ней. Оказалось, что это отверстие переходит дальше в круто наклонную трубу, стенки которой покрыты скользкой грязью. Подниматься выше без дальнейших приспособлений было рискованно, а надстраивать лестницу было нам не под силу. Пришлось оставить этот опасный ход необследованным.

Главная галлерея, по которой мы шли, неожиданно разделилась на два хода. Правый ход крайне сузился, левый же закончился небольшим каменным гротом с отверстием вверху.

Дальше итти было некуда. Пришлось вернуться обратно к реке.

На другой день, рано утром, мы починили лестницу и без особых затруднений поднялись на второй этаж пещеры. Здесь оказались два грота. Один из них имел вид высокой колокольни, в своде которой темнело отверстие. Мы уже хотели было на этом закончить свои исследования, как вдруг заметили мелкие кусочки древесных гнилушек, валявшихся на дне грота. Очевидно, здесь когда-то стояла лестница и кто-то взбирался выше. И мы решили во что бы то ни стало забраться на третий этаж пещеры.

С большим трудом натащили в грот жердей, палок и с помощью веревок начали сооружать лестницу, наставляя постепенно одну жердь на другую. Наконец к вечеру была готова замысловатая тринадцатиметровая лестница.

Мы поднялись по этой лестнице на третий этаж пещеры, осветили ее магнием и... ахнули от изумления! Перед нами открылась целая галлерея чудных гротов, напоминающих собой какой-то огромный древний языческий храм. Пораженные этим необыкновенным зрелищем, мы долго любовались чудной красотой подземелья.

На следующий день с раннего утра мы продолжали свое подземное путешествие по третьему этажу пещеры. Вначале шли по ровному глиняному полу. Затем попали в обширный грот, высота которого достигала восемнадцати метров. Здесь, кроме главного хода, виднелись два боковых отверстия. Одно из них находилось на высоте семи-восьми метров и вело в четвертый этаж. Здесь также лежали обломки полусгнившей лестницы. Все наши попытки проникнуть без лестницы в четвертый этаж не увенчались успехом, а сооружение новой лестницы нам было уже не под силу.

Стали продолжать свой путь по главной галлерее. Дно пещеры было усеяно обломками известняков. Ширина пещеры резко изменялась: от девяти до девяноста метров, а высота от четырех до двадцати пяти метров.

Здесь снова мы обнаружили полусгнившую лестницу, которая вела на небольшой уступ в глубь пещеры. Лестница эта была сделана не из жердей, как первая, а из толстых сосновых досок с перилами по бокам. Перила укреплялись коваными железными гвоздями. Уступ, на который вела лестница, был невелик, и мы без всякой лестницы свободно поднялись по нему.

Недалеко от лестницы обнаружили небольшой погреб, засыпанный мусором, а немного дальше встретили искусственный колодец и небольшое озерко с холодной прозрачной пресной водой. Из озерца вода поступала в колодец по специально вырытой для этой цели канавке.

Озерко пришлось перейти вброд. Дальше прошли по ровному глиняному полу узкого и очень высокого коридора. На глиняном полу были ясно заметны следы когда-то протащенных здесь бревен и досок.

Вскоре встретили целую гору камней, свалившихся со сводов. Мы поднялись по этим камням метров на сорок вверх и попали в один из величественных гротов Каповой пещеры, ширина и высота которого достигала тридцати метров. Стены и своды этого грота имели большие натеки известняка.

С подземной каменной россыпи шел довольно крутой спуск в северном направлении. Спускаться здесь было очень удобно: через все затруднительные места были перекинуты чьей-то неведомой рукой прочные дощатые мостики с перилами. Таких мостиков мы насчитали шесть. Здесь было очень сухо, и все деревянные сооружения сохранились хорошо.

Пройдя метров шестьдесят, мы попали в небольшой гротик, который при свете наших фонарей имел какой-то сказочный вид. Пол, стены и своды его были сплошь украшены белыми, как снег, сталактитами — щетками, гребешками, сосульками и пр. Кристаллики кальцита переливались всеми цветами радуги, блестели, как бриллианты. Под нашими ногами белый известковый туф хрустел, как снег в морозные дни.

Это был поистине бриллиантовый грот. Сидя на белом чистом полу пещеры, мы заметили около себя какие-то правильные квадратные предметы, покрытые белой известковой коркой. При ближайшем рассмотрении эти предметы оказались сосновыми досками, на которых были вырезаны рыбы и различные геометрические фигуры — квадраты, параллелепипеды, пятиконечная звезда и пр.

Дальше пещера сильно сузилась и понизилась, так что дальше приходилось итти согнувшись и местами даже ползти. Вскоре мы очутились на берегу довольно большого подземного озера, который вдали сливался со сводами пещеры. По дну пещеры протекал маленький ручеек и, журча, впадал в озеро.

Без лодки дальнейший путь был невозможен, и нам пришлось вернуться обратно, захватив с собой сталактиты и две доски с вырезанными на них рыбами и звездой.

На утро мы зашли в ближайшую башкирскую деревню Адильгирееву (Шуулган).

Деревня Адильгиреева находится в пяти километрах на север от Каповой пещеры, на правом берегу речки Ямашлы. Один башкир пригласил нас к себе пить чай и попросил подарить ему несколько сталактитов.

На вопрос, для чего ему эти известковые сосульки, он ответил, что в деревне

ими лечат раны. Мы вспомнили, что чистый кальцит в размолотом виде при ранениях служит хорошим антисептическим средством.

— Почему же вы сами не ходите в пещеру за этими сосульками? — спросил я.

Оказывается, в доступных частях нижнего этажа пещеры все сталактиты и сталагмиты уже обломаны, а в верхние этажи не всякий осмеливается залезть.

Существует несколько легенд об этой пещере. Рассказывают, что в былые времена жили в этой пещере какие-то особенные люди, не похожие на современных людей. Они были очень богаты, сеяли хлеб и имели множество разного скота.

Жил ли действительно кто в Каповой пещере в доисторические, далекие исторические времена — пока судить трудно, но в недалеком прошлом она безусловно, была обитаема.

По словам путешественника Рычкова (1760 г.), башкиры во время своих войн и восстаний стягивали сюда свои семьи и скот. При малейшей опасности скот загонялся в нижний этаж пещеры, а женщины, дети и старики уходили в верхние этажи. У входа в пещеру оставалась стража. Как передавали Рычкову, в этой пещере временами скрывалось до трех тысяч и более человек. Это и не удивительно. Капова пещера как будто специально для этого устроена, в ней могут найти убежище тысячи людей, так как здесь достаточно места, воды и воздуха.

Обойдя окрестности Каповой пещеры, мы увидели, что она своим образованием обязана речке Шуулган. Эта речка берет свое начало на юго-западном склоне горы Масим и течет по водоупорным кварцитам и сланцам. В районе деревни речка Шуулган и ее правый приток Ямашла текут по известнякам, которые сравнительно легко растворяются и размываются водой, образуя подземные пустоты и провалы. В такие воронки, находящиеся около деревни, с шумом низвергаются обе речки и далее совершают свой путь уже в подземелье, среди известняков. На расстоянии километра этот подземный путь реки обозначается рядом провальных воронок. Затем исчезают в воронки, река уходит глубоко в гору и снова появляется на свет лишь у входа в Капову пещеру.

Таким образом река Шуулган блуждает в подземелье на расстоянии не менее пяти километров. Следовательно, и общая длина пещеры, не считая ответвлений и верхних этажей должна иметь эту же длину. Все ли части этой огромной пещеры могут быть доступны для исследований — остается пока неясным.

Пещера Шуулган, или Каповая, известна очень давно. Нижний этаж ее впервые был описан Рычковым, посетившим пещеру 7 января 1760 г. По его словам, тогда в первой половине нижнего этажа наблюдались ледяные сталактиты до восьми метров длиною. В пещере встречалось много различной величины и формы известковых натеков. В глубине пещеры было настолько тепло, что Рычкову и его спутникам пришлось снять шубы и остаться в одних камзолах. Где-то недалеко от первой лестницы Рычковым была найдена, как он выразился, «сухая человеческая голова».

В 1770 г. пещеру посетил академик Лепехин. Ему удалось проникнуть во второй этаж по той самой скользкой трубе, по которой мы не смогли забраться (вторая лестница). Эта часть второго этажа, повидимому, не имеет прямого сообщения с той частью, которую посетили мы. Лепехин второй этаж описывает таким образом:

«Не зная долго, как испытать подлежащую пропасть, приметил в левой руке от ворот как бы нарочно сделанную каменную лестницу, по которой без всякой опасности спускаться могли. Ступени лестницы все отвердели от накипей, и шероховатость их делала ступени не поползновенными. По сей отлогой лестнице

спускались мы до 60 шагов, и вместо ожидаемой воды нашли обширную площадь, длиною в пятьдесят, шириною в двадцать шагов, а отдавшийся водяной звук от капели происходил от застоявшейся в яминах воды, в которую капли собирались. Сей грот весьма был удивителен и походил на баснословное царство мертвых: каплющая вода делала особливо тихой и жалостной звук. Стены грота, как выше сказано, переменяя белый цвет с черным, приумножали мрачности его подземельного места. Посреди вертепа накипел белый четвероугольный столб, вышиною человеку в груди, длиною в три с половиною, а шириною в полтора аршина. Около столба так, как около погребального одра, в порядочном расстоянии шесть небольшие стояли столбики, на которых утверждены были стоячие на подобие великих свеч накипи. Из вертепного свода, который над сим местом был пониже, но только саженях в полутора отстоял, висели разновидные капи: иные представляли большие сосуды, другие были тонкие и уподоблялись распущенным значкам, иные над столбом строеной работы представляли балдахин. Стройная сия природы игрушка рождала в нас различные мысли...».

В 1896 г. в марте Каповую пещеру посетили несколько исследователей: Симон, Заневский и Соколов. Нижний этаж они промерили и довольно подробно описали. Во вторую половину верхнего этажа, которую так красочно описал Лепехин, они не смогли проникнуть, так как вход туда был уже затянут сталактитами.

ФОНАРЬ ЗЕМЛИ

Белла Дижур

Рисунки Л. Носовой

Старик Урал! Седеющей вершиной
И выветренным обликом своим
Поведай нам тревоги жизни длинной

БЫВАЮТ ЛИ НА УРАЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ?

Это было летом 1914 г. Наша семья жила тогда недалеко от Нижнего-Тагила, где отец мой строил какую-то железнодорожную ветку. Однажды мы сидели за утренним чаем, который был оживлённее обычного, благодаря приезду папиного друга.

Пётр Сидорович — так звали нашего гостя — привёз мне в подарок целый мешок кедровых шишек. Я очень любила их смолистый запах, но никак не могла научиться разгрызать эти мелкие орешки и съедала зёрнышко вместе со скорлупой, приводя в ужас маму и бабушку.

— Эх, ты, — говорил Пётр Сидорович, — взгляни, — и он ловко раскусывал твёрдую шелуху на две половинки, а оттуда выглядывало заманчивое белое ядрышко...

Вдруг совершенно неожиданно шишки подпрыгнули, как мышата, и покатились на пол. Посуда зазвенела, стёкла задребезжали, и в тот же миг раздался громкий гул.

Было похоже на то, что где-то совсем рядом прошла тяжёлая грузовая машина.

Вслед за этим открылась дверка буфета и с полки одна за другой упали две чашки, а моя кукла, золотоволосая красавица с закрывающимися карими глазами, раскинув фарфоровые ручки, слетела с этажерки и вдребезги разбила свое хрупкое розовое лицо.

Всё это произошло так быстро, что я, наверное, не успела бы испугаться, если бы не хозяйский пёс по имени «Мальчик». Он жалобно заскулил и рванулся к выходной двери. Убедившись, что она закрыта, он с какой-то бешеной силой бросился в окно. От удара стекло разлетелось, а Мальчик, с изрезанной мордой, выскочил на улицу.

— Боже мой, что это такое? — закричала мама, прижимая меня к себе.

— Что это такое? — переспросила бабушка. — Это значит, что скоро будет конец света...

Бабушка плотнее закуталась в шаль и закрыла глаза так, как будто конец света уже наступил.

— Ах, мамаша, что вы говорите глупости при ребёнке... — рассердилась мама, — причём тут конец света... Может быть это землетрясение...

— Вполне возможно, — спокойно сказал Пётр Сидорович.— Землетрясения на Урале хотя и редко, но бывают... Я сам был свидетелем одного интересного случая... Это было... Эх, не соврать бы... в 1885 г., тоже летом... Кажется, в июне... Я жил тогда в деревне Шишкиной. И вот, знаете ли, среди дня вдруг... бум-бум, как из пушки стреляют. Я выбежал из избы... смотрю лошади с пастбища несутся, а народ бежит кто куда, а больше в ту сторону, откуда пушки стреляли. Побежал и я. Смотрю, среди леса — яма, свежий провал, шириной в шесть-семь сажен, а вокруг глыбы навалены и земля, деревья отброшены сажен на триста.

Провал этот объясняли тогда размывом в гипсовых пещерных слоях...

В этот день Пётр Сидорович много рассказывал о землетрясениях в других странах, о городах, где люди живут в плетёных домиках, о страшных вулканах. И рассказал нам о юности нашего Урала.

Прошло много лет, но я и сейчас ещё с благодарностью вспоминаю один из его рассказов.

В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ

Тёмнозелёные гигантские ладони
Раскинул древних папоротников лес,
В болотной топи тонут скорпионы
И саламандры сонный плеск.
Хвощей чудовищные свечи
И терпкий запах липких спор,
И хищники прожорливые мечут
В морях икру, меняя свой убор.
Хрящей упругие зазубры
На острые и режущие зубы.
И душной тишиной оранжерей
Зелёносиний воздух напоён.
Так в плавунах затопленных, старея,
Откладывался будущий карбон.

В этот отдалённый период жизни земли горного Урала тогда ещё и в помине не было. Вместо него вдоль всего теперешнего хребта тянулось море, а по берегам росли высокие папоротниковые леса. Нам трудно представить себе этот лес! Ни пения птиц, ни жужжания жуков не было в этом лесу.

Не было тогда пёстрых бабочек и ярких цветов.

Высокие колонны лепидодендров поднимались над болотистой почвой. Широкие резные листья древесных папоротников тянулись к небу да торчали как щётки, щетинистые листья.

Но в этот сонный, словно не живой лес иногда врывался страшный гул и скрежет.

Подземная гигантская сила раскидывала целые пласты земли, с корнем выбрасывая огромные деревья. Встревоженные саламандры и тритоны выскакивали из своих заболоченных жилищ. Воздух был наполнен множеством странных насекомых, запахом горящей смолы и удушливыми газами.

Это было время, когда на Урал шёл с востока огромный натиск внутренних подземных сил.

Под влиянием этих сил происходили сжатия слоёв по восточной окраине Уральской впадины. Движения достигали большого напряжения, и это привело к тому, что постепенно на месте Уральского моря появился Уральский хребет.

Конечно, это произошло не сразу. Миллионы лет длилась эта борьба. Сначала обнажались отдельные островки. Их снова заливало морем. Сила внутреннего давления снова воздвигала острова, горные вершины и вытесняла в конце концов море.

Горообразование Урала сопровождалось такими катастрофическими землетрясениями, что трудно себе их представить.

Горообразование на Урале еще не кончилось. Но под действием воды, воздуха и солнца Урал сильно выветрился, постарел.

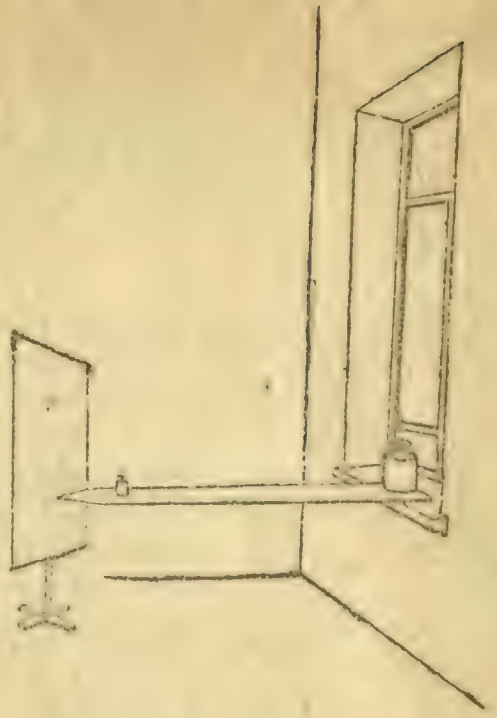
До сих пор еще кое-где на Урале происходят землетрясения.

Причём землетрясения не только о б в а л ь н о г о характера, но бывают и т е к т о н и ч е с к и е, то-есть такие, которые связаны с проявлением внутренней энергии земного шара, при которых разряжаются напряжения в огромных массах горных пород.

Большинство уральских землетрясений происходят на Среднем Урале, на его западных отрогах.

Здесь, на западном склоне, древние слои горных пород обволакивают и огибают Уфимское плато. Они как бы прижаты к востоку.

Переломанные, смятые пласты говорят о больших перестройках, происходивших когда-то здесь. Но время от времени и сейчас ещё в этом районе — к северо-востоку от Уфимского плато (от Свердловска до Нижнего Тагила) возникают слабые движения. Они называются п о с т у м н ы м и или посмертными. Старик Урал, словно вспоминая о своей бурной юности, вздыхает, потрясая почву. Качнёт на миг висячие предметы в домах, замутит воду в колодце и снова замолкнет.



МЕДНЫЙ КОЛОКОЛ С ЛЯГУШКАМИ

Земля живёт миллионы лет. Человек живёт десятки лет. Процессы, происходящие в земле, тянутся тысячелетиями. Всей человеческой истории нехватило бы, чтобы проследить жизнь одной какой-либо горной цепи.

И всё же мы знаем наш земной шар.

Географы исследовали его во всех направлениях и отметили на картах моря, горы, реки и озёра. Геологи узнали о многих сокровищах, хранящихся в глубоких недрах, и изучили прошлое земли. А сейсмологи, как верные часовые, стоят на посту и улавливают самые отдалённые колебания земли.

Как же они это делают?

Попробуйте собрать такой простой прибор. На металлическом острие свободно подвешен деревянный брусок. К нижнему концу прикреплена проволока, загнутая в виде треугольника. Поставьте прибор на окно и положите под брусок закопчённое стекло. Каждый раз, когда мимо дома пройдёт грузовая машина, брусок начнёт качаться и царапать проволокой по закопчённому стеклу.

Что произошло? Грузовая машина заставила содрогнуться почву. Это движение передалось дому, а затем подвижному бруску. Запись на стекле — это кривая того крохотного почвотрясения, которое произвела около вашего дома тяжёлая машина.

Если где-то произошло смещение тысячелетиями сдавленных или растянутых горных пластов, то по всей земле во все стороны понесутся глухие раскаты.

Земля говорит.

Но наши уши не слышат этого голоса. Мы спокойно спим или гуляем, или заняты своими повседневными делами. О происшедшем землетрясении мы узнаём лишь на следующий день из утренних газет. Но те семь человек, которые сидят на сейсмических станциях нашего Союза, слышат страшный голос земли в тот же момент, когда произошла катастрофа.

Гренландия и Япония, Южная Америка и Карпаты, Средиземное море или Филиппинские острова для сейсмографа одинаково доступны.

Как же это возможно?

Разве есть люди, которые слышат на таких больших расстояниях?

Конечно, нет. Но там, где бессильны человеческие чувства на помощь приходят особо чувствительные приборы, изобретённые человеческим разумом. На сейсмических станциях установлены приборы, которые называются с е й с м о г р а ф а м и. Вспомните деревянный брусок, записавший движения. Это ведь тоже сейсмограф! Только очень простой и грубый.

Приборы, установленные на наших сейсмических станциях, отличаются очень сложным устройством и большой точностью в показаниях. Сейсмограф отмечает движения, вызванные нарушениями в глубоких слоях земной коры. Он принимает волны, приходящие к нему из самых отдалённых участков земли. Ещё две тысячи лет тому назад китайцы задумывались над тем, чтобы как-нибудь научиться улавливать и регистрировать землетрясения.

Китайские учёные изобрели интересный прибор. Прибор этот был похож на медный колокол. На наружной стороне его сидели восемь лягушек. Против лягушек находились драконовые головы, а в пасти у каждой лежал небольшой металлический шарик.

Когда сейсмические волны доходили до прибора; шарик из пасти дракона перескакивал в лягушечий рот.

Наблюдатели смотрели: в каком направлении падает шарик. С севера, с юга, с востока или запада. Так судили они о том, откуда пришло землетрясение. Почти такие были устроены другие приборы. Но там вместо драконов и лягушек действовала ртуть, которая при движениях почвы выливалась из большого сосуда в маленькие чашечки. По количеству вылившейся ртути судили о силе землетрясения.

СОВРЕМЕННЫЙ СЕЙСМОГРАФ

Современные сейсмографы отличаются от старинных приборов так же, как утлая лодка первобытного рыбака от океанского теплохода двадцатого века. Рыбацкая лодка и океанский теплоход живут и борются в одной и той же стихии. Но если лодка дикаря с трудом могла преодолевать сопротивления небольшого озера, то для современного теплохода не страшны огромные пространства земных океанов.

Современный сейсмограф и медный колокол с лягушками — регистраторы одной и той же стихии. Но лягушки были способны только на то, чтобы иногда ловить шарик из драконовой пасти. В остальное время они мирно дремали с разинутыми ртами.

Сейсмографы наших современных станций не знают ни минуты покоя. Все двадцать четыре часа в сутки колеблется основная часть прибора — маятник. Беспрерывно бегает соединённое с маятником зеркальце. А световой зайчик от зеркальца скачет по двигающейся на барабане фотобумаге. Скачет световой зайчик и чертит, чертит, чертит из минуты в минуту, изо дня в день бесконечную анкету поведения земли. Но нельзя позволять маятнику произвольно качаться, иначе мы не получим правильной картины движения земли. Любой толчек вызывает целый ряд колебаний самого маятника. Эти лишние, мешающие движения необходимо сдержать, схватить.

Можно было бы спустить маятник в воду или в масло, и сопротивление жидкости погасило бы колебания маятника. В современных сейсмографах для этой цели применяется особый электромагнит. Он как бы схватывает маятник при каждом лишнем колебании. Таким образом, остаются только те движения, которые вызваны дрожанием земли.

Чувствительность маятника очень велика. Достаточно чтобы в комнату вошла кошка, маятник качнётся... Для полной изоляции от всех посторонних влияний сейсмографы помещаются в погребах. Погреб — хранилище сейсмографа. Он изолирован от всего мира. Никакие звуки не проникают сюда. Наверху меняются времена года. Дуют ветры. Скапливаются снега. Бегут ручьи. Зацветают подсолнухи. В хранилище сейсмографов всегда одна и та же температура, один и тот же ровный свет, одно и то же безмолвие.

Три сейсмографа стоят под металлическими колпаками. Они выполняют свое важное трудное дело. Они прислушиваются к дыханию земли. Им не надо мешать.

АНКЕТА ЗЕМЛИ

Записывающаяся часть приборов вынесена наверх. В тёмной комнате стоят три вращающихся барабана, на которые надета светочувствительная бумага. Прямо на барабан направлены три зеркальца, соединённые с маятниками приборов.

Сюда, в тёмную комнату, приходит сейсмолог. Он проверяет работу приборов. Снимает светочувствительную бумагу и проявляет её в фотолаборатории.

И вот перед сейсмологом лежит свежая сейсмограмма — анкета движения земли за прошедшие сутки.

Ещё в проявительной ванне он обратил внимание на интересный характер резких черных линий, густо покрывающих сейсмограмму.

«Звонкую песенку спела сегодня земля», — думает сейсмолог.

Но где? Где это произошло. Ещё немного терпения, и сейсмограмма совсем высохла. Теперь можно углубиться в увлекательное путешествие.

Для этого путешествия не надо самолёта, не надо даже автомашины. Сейсмолог путешествует, сидя в своей комнате. В один и тот же день он может побывать в Италии и на Мадагаскаре, в южноамериканских горах и в полярной тундре.

Он плавает по упругим каменным волнам, которые глядят на него линиями сейсмограммы. Он смотрит и прислушивается. Ему кажется, что он слышит подземный гул и грохот.

Это от очага землетрясения побежали волны. Они проходят сквозь различные породы, преломляются в них и бегут дальше. Одни из них проходят по недрам земли, другие идут по поверхности.

Одни из них быстро бегут вдоль того направления, по которому идёт движение, наподобие резиновой ленты, которую попеременно то натягивают, то ослабевают. Они называются п р о д о л ь н ы м и. Другие — п о п е р е ч н ы е, распространяются подобно канату, который, укреплён за один конец и раскачивается в ту и в другую сторону.

Продольные волны приходят раньше. Поперечные позднее, а п о в е р х н о с т н ы е еще позднее. Сейсмолог знает скорость распространения различных волн.

Учёные вычислили, что различные породы различно проводят упругие коле-

бания, волны же при своём движении встречают самые разнообразные породы. Поэтому условились брать для каждого вида волн среднюю скорость.

Теперь решите простую детскую задачу. С одной станции вышли два поезда: пассажирский и экспресс. Через пять часов экспресс прибыл на станцию назначения. А пассажирский прибыл спустя 3 часа. Скорость обоих поездов нам известна. Сумеете ли вы определить расстояние от одной станции до другой?

Конечно, сумеете!

Перед сейсмологом в сущности та же задача. Он знает скорость движения различных волн, и если он знает время их вступления, решить вопрос о расстоянии до очага землетрясения не так уже трудно. Но как узнать время?

Записывающие часы прибора связаны при помощи электромагнита с особыми контактными часами. Часы эти должны быть абсолютно точными и проверяться по радио каждый день обязательно.

Во время работы сейсмографа часы каждую минуту дают сигнал. И по этому сигналу на одну секунду перед световым зайчиком появляется ширмочка, а на сейсмограмме в эту секунду будет пропуск.

Вся сейсмограмма за сутки разбита этими секционными перерывами на минуты. Когда сейсмолог заряжает прибор, он на полях свежей сейсмограммы отмечает число, месяц, час, минуту.

А там уже часы поведут свою работу. И вот теперь, отсчитав по секционным полоскам, сейсмолог находит тот час и то мгновение, когда спокойные, слегка волнистые линии резко поднялись или опустились.

С этой минуты волны, идущие от очага землетрясения, вступили в нашу станцию.

Так определяется время начала землятрясения. Зная время и скорость различных волн, сейсмолог узнает, на каком расстоянии произошло землетрясение.

Теперь осталось решить — откуда оно пришло. Направление указывают сейсмографы. Один из них настроен так, что принимает колебания, идущие с юга на север. Другой — колебания с востока на запад. А третий, вертикальный исправляет возможную на 180° ошибку, в направлении, так как он определяет какую волну приняла станция: волну сжатия или волну разряжения. Где-то произошёл обвал. Пласты, расположенные под очагом, испытают сжатие, которое постепенно будет распространяться и, наконец, достигнет до станции наблюдения. Вертикальный сейсмограф станции запишет волну сжатия.

Вертикальный сейсмограф нашей Свердловской станции настроен так, что линия, поднятая на сейсмограмме вверх, определяет волну сжатия. Линия, опущенная вниз, определяет волну разряжения.

Оказывается, чтобы точно определить время, направление и расстояние нужно иметь три сейсмограммы.

Если сейсмографы работают точно, расшифровка анкет земли даёт поразительно правильные результаты.

Сейсмолог следит за своими приборами, проверяет работу контактных часов, старается исключить всякую ошибку местного характера.

Это сложная и тонкая работа. Кроме большой любви к делу, здесь требуются серьёзные знания по физике, геологии и математике. Все вычисления сейсмолога основаны на математических формулах.

В России до революции существовали сейсмические станции первого и второго разряда. Если первые были снабжены хорошими аппаратами и квалифицированными специалистами, то вторые находились в самом убогом состоянии. Здесь часто работали люди, имевшие очень смутное представление о сейсмологии. Это были самые случайные люди. Иногда народные учителя, которые за 20 рублей в месяц выполняли обязанности наблюдателей, иногда сотрудники местных обсерваторий. Но специалистов, знающих своё дело и влюбленных в него здесь не было.

Екатеринбургская сейсмическая станция принадлежала ко второму разряду. Она находилась в ведении директора Екатеринбургской обсерватории Г. Абельса — человека знающего, но равнодушного. Глава русской сейсмологии академик Голицын решил превратить её в станцию первого разряда. Для этого требовалось установить новые приборы, подготовить для них помещение и организовать точные и тонкие наблюдения за жизнью земли.

Екатеринбург для устройства такой станции был выбран не случайно. Его географическое положение оказалось очень выгодным для перехватывания колебаний, приходящих с востока (Япония, Формоза, Курильские острова и др.).

«Землетрясение — это фонарь, который, зажигаясь на одно мгновение, помогает нам заглянуть в глубь земли» — так сказал академик Голицын.

Екатеринбург оказался одним из тех удобных пунктов, откуда свет этого яркого фонаря хорошо виден.

Таких мест в нашей стране семь. Семь сейсмических станций. В Пулкове, под Москвой, в Иркутске, во Владивостоке, в Баку, в Ташкенте и в Свердловске — бывшем Екатеринбурге. Семь точек, улавливающих самые отдалённые колебания земной коры.

Погреб нашей Свердловской станции имеет большое преимущество перед другими. Здесь приборы установлены на природной скале. Есть такая порода змеевик. Она входит в самый скелет Уральского хребта. Когда рыли этот погреб, наткнулись на глыбу змеевика.

Это была большая удача. Сейсмографы, установленные на скелетном, глубинном массиве, получают особенно чистые сообщения об отдалённых землетрясениях.

Жизнь Свердловской станции, её развитие неотделимо от судьбы Зинаиды Григорьевны Вейс-Ксенофонтовой, ученицы академика Голицына.

В 1913 г. он прислал её в Екатеринбург, чтобы она переоборудовала станцию в лучшую станцию. И Зинаида Григорьевна добилась этого. Она один из лучших сейсмологов нашей страны.

30 лет следит она за движениями земли. 30 лет — это большой срок в человеческой жизни. В чёрных волосах появились сединки. Выросли и разъехались в разные концы её старшие дети. Самый младший в армии.

Вырос и изменился город. Новые люди вокруг Зинаиды Григорьевны. Новая жизнь.

А сейсмографы всё так же часто изо дня в день отмечают малейшие колебания земной коры.

Как же не любить их! Это её лучшие помощники и честные друзья. Никогда не подводили они Зинаиду Григорьевну. Но и она их оберегала, как детей.

В годы гражданской войны в связи с послевоенной разрухой многие сейсмические станции в стране закрылись. Связь с сейсмическим центром в Ленинграде оказалась прерванной. Средства ни откуда не поступали. Это было тяжёлое время.

Сейсмографам грозила опасность испортиться в неотапливаемом подвале.

Но помощь пришла совершенно неожиданно.

Зинаиду Григорьевну вызвали в Отдел народного образования. Внимательно расспросили о работе, о нуждах станции и о её личных.

— Что же это вы окопались у себя там на Плешивой горке и молчите о своих нуждах? — упрекнул её человек во френче.

И вскоре ей привезли дров и удовлетворили её нужды.

Станция могла работать спокойно.

Год, когда на Урале был Колчак, многим памятен.

А Зинаида Григорьевна особенно хорошо запомнила ночь, когда колчаковцы отступали.

Плешивая горка, где помещаются обсерватория и сейсмическая станция, сделалась в эту ночь штабом отступавших белогвардейцев.

Ещё с вечера сюда притащили пулемёты, собирались группами у окон станции солдаты. Кое-кто полюбопытнее заглядывал в окна.

Зинаида Григорьевна не решалась уйти домой. Её тревожила судьба приборов.

А вдруг кто-нибудь из «них» спустится в подвал, изломает приборы...

Но что же делать? Дома дети, малыши одни. Их давно бы надо покормить и уложить спать...

— А что, если я приведу сюда ребят,— подумала Зинаида Григорьевна. И вскоре все ребятишки были на станции.

Ночь стояла тёплая и тихая. Дети мирно спали на большом одеяле у печки, а Зинаида Григорьевна прислушивалась к тому, что делается на территории станции. Шум постепенно стихал. Один за другим с горки спускались белогвардейцы, унося с собой оружие.

Зинаида Григорьевна вышла на крыльцо. Вдали горели железнодорожные эшелоны.

Наконец совсем рассвело. В город вошли красные. Зинаида Григорьевна до утра просидела на деревянном крылечке своей станции.

МАЕВКИ НА УРАЛЕ

К. Свердлова

Первое мая празднуют трудящиеся всех стран. Только фашисты запрещают говорить и даже думать о Первом мае.

Раньше в нашей стране нельзя было открыто праздновать Первое мая. Царское правительство боялось рабочих революционных песен, боялось уличных демонстраций, и за несколько дней до наступления мая полиция и жандармы во все глаза глядели, ко всем разговорам прислушивались — не готовится ли кто-нибудь праздновать маевку.

По улицам шныряли переодетые жандармы, на заводах и фабриках подслушивали разговоры рабочих, по ночам на квартиры налетали с обыском. Все перевернут, все в комнате вверх дном поставят. Случалось, что и половицы поднимали, под полом рылись, обои со стен срывали, одежду распарывали — искали не спрятаны ли знамена, приготовленные для демонстрации, не печатают ли майских прокламаций.

Так и начиналась у жандармов «подготовка» к первомаю — сажали в тюрьму всех, кто казался им подозрительным. Ходи по улице и оглядывайся — не следит ли за тобой шпион, подосланный жандармами.

Шпионы прятались за углами, чтобы их не заметили, или встанет шпион среди улицы будто афишу читает, будто выставку в окне магазина рассматривает, а сам так и вертит головой во все стороны, чтобы не потерять из вида революционера, за которым приказано следить. Посмотришь на такого и сразу поймешь, что интересует его не объявление и не выставка в магазине, а человек, прошедший мимо. Ходит шпион по пятам за революционером, замечает в какой дом он зашел, с кем на улице поздоровался, смотрит нет ли свертка какого-нибудь в руках революционера, нет ли чего в карманах.

Но как бы ловко ни следили жандармы, революционеры большевики — ученики Ленина и Сталина делали свое дело и маевки с рабочими хорошо справляли. Только старые дореволюционные маевки были не такие, как наши замечательные советские праздники.

Начинали маевку готовить заранее, каждый шаг внимательно обдумы-

вали, маленькая неосторожность и — готово: могут арестовать, посадить в тюрьму, никакого праздника не удастся устроить.

К празднику надо было напечатать побольше прокламаций, так назывались листки, печатались они вместо газеты. В прокламациях писали о борьбе рабочих в разных странах, о борьбе наших русских рабочих за свободу, за лучшую жизнь. Призывали всех рабочих действовать дружно, как один человек.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — писали большевики.

Где же напечатать прокламации? Типографии строго охранялись, там ничего не напечатаешь.

В больших городах комитеты большевиков имели свои тайные типографии. Здесь, в Свердловске, называвшемся в старое время Екатеринбургом, была хорошая типография. В музее имени Якова Михайловича Свердлова есть модель маленького домика. Пойдите, ребята, посмотрите ее хорошенько, и вы поймете как революционеры хранили от жандармов свои тайные типографии.

Вот прокламации напечатаны. Нужно накануне первомая разнести их, раздать рабочим на заводах, расклеить на заборах и воротах в городе.

Расклеивать и разбрасывать по городу прокламации чаще всего бралась молодежь, подростки, учащиеся. Они ловко, незаметно совали прокламации в квартирные ящики для писем, подсовывали в подворотни, наклеивали на заборах около заводов и на тех улицах, где больше всего жило рабочих.

Не было такого случая в Екатеринбурге, чтобы кто-нибудь из подростков попал с прокламациями в лапы полиции. Так ловко и незаметно действовала молодежь.

Раньше всех в городе просыпается трудовой люд, встают по заводскому гудку, спешат на работу; но мимо прокламации не проходил ни один рабочий человек. Подберет ее, прочитает в свободную минутку и товарищу у станка расскажет, как, шагая через подворотню, он заметил аккуратно сложенную бумажку, поднял, а в бумажке напечатано, что Первого мая рабочие во всем мире выходят на демонстрации с красными знаменами, с боевыми революционными песнями. Рабочие предупреждают своих хозяев фабрикантов, предупреждают царское правительство, что они готовятся к борьбе не на жизнь, а на смерть и в этой борьбе завоюют свободу. Сами будут хозяевами страны.

Рабочий, бывало, выслушает своего товарища, усмехнется и ответит:

— Так, так, к тебе во двор принесли прокламацию, а я здесь на своем станке нашел. Ну, и ловко поработали наши ребята ночью. Говорят, даже в полицейском участке на двери приклеили. Заводской сторож видел, как на рассвете полицейские шашками двери скоблили, и ругались, ругались, сторож рассказывает, а сам от смеха удержаться не может. Сейчас по всему

заводу только и разговоров что о прокламациях, да о маевке. Не беда, что шпионы наши разговоры слышат, главное, чтобы вожаков наших не выследили, да не узнали места — где собираться будем.

Собирались в разных местах. Если партийная организация небольшая, сил мало, маевку устраивали в лесу за городом. Большие организации Москвы, Петербурга, Харькова, Одессы и других подобных им городов собирались на главных площадях и улицах города.

Собрать людей в лес это не простое дело. Если каждому рассказывать по какой дороге выйти за город, на какой полянке ждать оратора, тогда полицейские шпионы узнают место сбора, спрячут в лесу вооруженных солдат и прикажут им стрелять в рабочих. А шпионы все пронюхают, узнают место обязательно.

— Соберемся, — решили все же большевики — всех шпионов перехитрим.

В Екатеринбурге рабочие собирались на маевки в лесу за Верх-Исетским заводом, кроме того, на «Каменных палатках», за Макарьевской фабрикой и в других местах.

О месте сбора знали только те рабочие, которым организация вполне доверяла. Каждый такой рабочий приводил с собой трех-пять человек своих друзей.

Утром Первого мая по разным улицам шли рабочие за город не торопясь, как будто гулять собрались. Большой артелью не ходили, а разбивались по два-три человека, чтобы полиция не заметила. Собралась группа в пять человек, так двое из них идут по одной стороне улицы, трое по другой.

За городом, в разных местах, расставлялись посты, патрули. У них можно спросить дорогу, но дорогу укажут только тому, кто знает пароль. Пароли хранились в секрете, знали их доверенные люди. Так и получалось, что народу собиралось много, а дорогу и пароли знали только самые верные люди, которые умели хранить пароль в секрете.

Патрулем в лесу тоже не поставишь первого попавшегося человека, надо чтобы смекалистый был, ведь ему охрана собрания доверена. Организаторы собрания обдумывали как бы лучше замаскировать патруль. Одни сидели с баяном или балалайкой, другие с удочкой на берегу реки. Они, конечно, для вида удили рыбу, а сами смотрели, не прошел бы шпион.

Вот тут то и нужна была им смекалка, чтобы угадать, что человеку нужно, — друг он или враг, а если есть подозрение, что враг, — задержать его разговором или насильно, потом передать боевой дружине. Вооруженная дружина всегда охраняла собрания. Важно, чтобы шпион до конца собрания не ушел из леса, не успел бы полицию предупредить, а для этого дружинники и заставляли подозрительного, оказавшегося вблизи маевки, «гулять» по лесу, пока все не разойдутся. Хочешь, не хочешь, гуляй, ничего не и поделаешь.

Какая же маевка может быть без знамен, какая же маевка без песен?! Женщины должны были к сроку приготовить знамя. Но трудно было такую квартиру найти, где бы можно было спокойно сидеть по ночам и вышивать знамя. С обыском могли нагрянуть в любую минуту. Знамя же требует много времени, надо вышить его как можно красивее, чтоб все залюбовались, когда оно будет развернуто. Знамя зовет в бой. Надо сделать так, чтоб комитет партии сказал «спасибо» за красивое знамя. Работали женщины по ночам, днем заняты были работой на фабрике, или в мастерской у хозяина. Хорошо, если вышивальщиц пустит к себе кто-нибудь из сочувствующих большевикам. Такие люди, беспартийные, были и нам помогали очень охотно. Чаще всего это были врачи, присяжные поверенные, учителя. Случалось, что каждую ночь надо было переходить со знаменем в новую квартиру, и переходили, лишь бы сохранить знамя.

На знамени вышивали боевой лозунг —«Да здравствует Первое мая».

Когда над собравшимися развертывалось красное знамя, сердце у каждого начинало чаще биться, и думали товарищи: «Скоро ли мы с этим знаменем пойдем по улицам города? Пусть все знают, что рабочие жизни не пожалеют, будут бороться под красным знаменем за свободу».

И в любимой нашей песне пелось:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

В лесу свободно лились песни, свободно звучали речи ораторов. Такие тайные собрания готовили людей к боевым выступлениям в городе.

Вот, что было в Екатеринбурге в мае 1905 года.

Первое мая справляли в лесу, за Верх-Исетским заводом. Полиция так и не узнала об этом собрании, все товарищи благополучно вернулись домой. Но в городе было неспокойно. Наступило воскресенье — первое после Первого мая. На улицах было много народа, особенно на главной улице около гостиного двора. Это в нескольких шагах от того места, где сейчас находятся трибуны на площади 1905 года.

В два часа закрылись магазины, в то время по воскресеньям торговали с двенадцати до двух. Приказчики, из всех магазинов высыпали на площадь. Полицейские постовые не беспокоились — всегда около магазинов в эти часы по вскресеньям бывало много народа. Между тем, комитет большевиков договорился с приказчиками, чтобы они не расходились. В то же время по главной улице и по ближайшим переулкам ходили наши люди и ждали знака, когда всем выходить на площадь. Несколько человек на руках подняли оратора над толпой, это был большевик, которого знали под кличкой

«Дятел». При первом же обращении оратора к народу около него стала расти толпа, с такой же быстротой, как растет снежный ком.

Когда полицейские поняли, что это начало демонстрации, что надо разгонять людей, было уже поздно. Полиция растерялась, а народ с революционными песнями пошел по главной улице к Верх-Исетскому заводу. К демонстрантам все время подходили новые люди.

В то время город Екатеринбург прожил уж около двухсот лет и никогда еще за всю его долгую жизнь он не слыхал революционных речей и песен. Речи говорились тайно, на небольших собраниях, а песни пелись вполголоса.

Сам полицмейстер был вне себя от происшедшего. Он и злился и на смерть перепугался демонстрации. Он ехал за демонстрантами в своей пролетке и беспомощно просил разойтись по домам. Сразу была вырвана власть из рук полиции, народ в глаза смеялся над растерянным полицмейстером, а он боялся уехать домой, точно цепью был прикован к демонстрантам.

На площади, у Верх-Исетского бульвара, ораторы выступали в последний раз. Народ стал расходиться небольшими группами. Все были чрезвычайно взволнованы, оживленные разговоры долго еще не смолкали на улицах. Ораторов спрятали от глаз полиции среди расходившихся людей, тут же с ними поменялись одеждой, те кто не выступал.

На следующее утро между Верх-Исетским заводом и городом были расставлены вооруженные солдаты. После обстоятельного расспроса пропускали людей с Виза в город и обратно. На главной улице часто проезжали конные полицейские. Но все эти строгости теперь были не нужны. Вычеркнуть из памяти горожан волнующую, первую в жизни города, демонстрацию было уже невозможно. Всех смелых она звала на борьбу.

Так рабочие и весь трудовой люд России под знаменами партии Ленина — Сталина добывали свободную, радостную, жизнь. Первое мая всегда было одним из лучших пролетарских праздников. Он оставлял глубокие следы в народе. Не страшило и то, что царское правительство иногда приказывало своим солдатам стрелять в демонстрантов. В боях партия большевиков закаляла свои ряды.

Сейчас, в дни грозной Отечественной войны, мы также отмечаем первомайский праздник. Ребята в школах и даже малые дети в детских садах, стараются к празднику хорошо украсить помещение, готовятся выступать, разучивают песни, стихотворения. Даже сами сочиняют стихи.

Взрослые тоже готовятся к Первому мая. А подготовка нынче, в дни войны, состоит в том, как бы сделать побольше танков, побольше снарядов и больше подарков послать нашей славной героической Красной Армии, одерживающей замечательные победы над врагом под водительством гениального Сталина.

ЕРМАК

Л. Н. Толстой

Рисунки В. Попова

При царе Иване Васильевиче Грозном были богатые купцы Строгановы, и жили они в Перми, на реке Каме. Прослышали они, что по реке Каме на 140 вёрст в кругу есть хорошая земля: пашня не пахана от века, леса чёрные, от века не рублены. В лесах зверя много, и по реке озёра рыбные, и никто на той земле не живёт, только захаживают татары.

Строгановы написали царю письмо: «отдай нам эту землю, а мы сами по ней городки построим и народ соберём, заселим и не будем давать через эту землю ходу татарам».

Царь согласился и отдал им землю. Строгановы послали приказчиков собирать народ. И сошлось к ним много гулящего народа. Кто приходил, тем Строгановы отводили землю, лес, давали скотину и никаких оброков не брали, только живи и, когда нужда, выходи с народом биться с татарами. Так и заселилась эта земля русским народом.

Прошло лет двадцать. Строгановы купцы ещё сильнее разбогатели, и малым стало той земли на 140 вёрст. Захотели они ещё больше земли. Вёрст за 100 от них были высокие горы Уральские и за этими горами, прослышали они, есть хорошая земля, и земле той конца нет. Владел этой землёй сибирский князек Кучум. Кучум в прежнее время покорился царю русскому, а потом стал бунтовать и грозил разорить строгановские городки.

Вот Строгановы и написали царю: «отдал ты нам землю, мы её под твою руку покорили, теперь воровской царёк Кучум против тебя бунтует и хочет и эту землю отнять и нас разорить. Вели ты нам занять землю за Уральскими горами, мы Кучума завоюем и всю его землю под твою руку подведём». Царь согласился и отписал: «если сила у вас есть, отберите у Кучума землю. Только из России много народу не сманивайте».

Вот Строгановы, как получили от царя письмо, послали приказчиков еще собирать народ к себе. И больше велели подговаривать казаков с Волги и с Дона. А в то время по Волге и по Дону казаков много ходило. Соберутся шайками в 200, 300, 600 человек, выберут атамана и плавают на стругах, перехватывают суда, грабят, а на зиму становятся городком на берегу.

Приехали приказчики на Волгу и стали спрашивать, какие тут казаки слывут. Им и говорят: «Казаков много. Житья от них не стало. Есть Мишка Черкашенин, есть Сары-Азман... Но нет злее Ермака Тимофеевича, атамана. У того человек 1000 народа, и его не только народ и купцы боятся, а царское войско к нему приступиться не смеет».

И поехали приказчики к Ермаку-атаману и стали его уговаривать итти к Строганову. Ермак принял приказчиков, отслушал их речи и обещал притти с народом своим к Успенью.

К Успенью пришли к Строгановым казаки, человек 600, с атаманом Ермаком Тимофеичем. Напустил их сначала Строганов на ближних татар. Казаки

их побили. Потом, когда нечего было делать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призывает Строганов Ермака и говорит: «Я вас теперь больше держать не стану, если вы так шалить будете». А Ермак говорит: «Я и сам не рад, да с народом моим не совладаешь — набаловались. Дай нам работу». Строганов и говорит: «Идите за Урал воевать с Кучумом, завладейте его землёю. Вас и царь наградит». И показал Ермаку царское письмо. Ермак обрадовался, собрал казаков и говорит:

— Вы меня срамите перед хозяином,— всё бестолку грабите. Если не бросите, он вас прогонит, а куда пойдёте? На Волге царского войска много, нас переловят и за прежние дела худо будет. А если скучно вам, то вот вам работа.

И показал им царское письмо, что позволено Строганову за Уралом землю завоевать. Поговорили казаки и согласились итти. Пошел Ермак к Строганову, стал с ним думать, как им итти.

Обсудили, сколько стругов надо, сколько хлеба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиков-татар, пленных, сколько мастеров ружейных.

Строганов думает: «Хоть и дорого мне станет, а надо дать ему всего, а те здесь останутся — разорят меня». Согласился Строганов, собрал всего и снарядил Ермака с казаками.

Первого сентября поплыли казаки с Ермаком вверх по реке Чусовой на 32-х стругах, на каждом струге было двадцать человек. Плыли они четыре дня на вёслах вверх по реке и выплыли в Серебряную реку. Оттуда уж плыть нельзя. Расспросили проводников и узнали, что надо им тут перевалиться через горы и вёрст 200 сухопутьем пройти, а потом пойдут опять реки. Остановились тут казаки, построили город и выгрузили всю снасть, и струги побросали, а наладили телеги, уложили всё и пошли сухопутьем — через горы. Места всё были лесные и народу не жило никакого. Прошли они десять дней сухопутьем, попали на Жаровню на реку. Тут опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по реке вниз. Проплыли пять дней и пришли в места ещё веселее: луга, леса, озёра. И рыбы и зверя много, и зверь непуганый. Проплыли ещё день, выплыли в Туру-реку. Тут по Туре-реке стал попадаться народ и городки татарские.

Послал Ермак казаков посмотреть один городок,— что за городок и много ли в нём силы. Пошли двадцать казаков, распугали всех татар и забрали весь городок, и скотину всю забрали. Каких татар перебили, а каких привели живьём.

Стал Ермак через переводчиков спрашивать татар: какие они люди и под чьею рукою живут? Татары говорят, что они Сибирского царства и царь их Кучум.

Ермак отпустил татар, а троих, поумнее, взял с собой, чтоб они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывут, то река все больше становится, а места что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народ не сильный. И все городки, какие были по реке, казаки повоевали.

Забрали они в одном городке много татар и одного почётного старого татарина. Стали спрашивать татарина, что он за человек. Он и говорит: «Я Таузик; я своего царя Кучума слуга и от него начальником в этом городе».

Ермак стал спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его город Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузик всё рассказал. Говорит: «Кучум — первейший царь на свете. Город его Сибирь — самый большой город в свете. В городе этом, говорит, людей и скотины столько, сколько звёзд на небе. А силы у Кучума-царя счёту нет: его все цари вместе не завоюют».

А Ермак говорит: «Мы, русские, пришли сюда твоего царя завоевать и его город взять, русскому царю под руку подвести. Силы у нас много. Что со мной пришли — это только передние, а сзади плывут в стругах — счёту им нет, и у всех ружья. А ружья наши насквозь дерево пробивают, не то что ваши луки и стрелы. Вот смотри».

И Ермак выпалил в дерево, и дерево раскололось, и со всех сторон стали палить казаки. Таузик от страха на колени упал. Ермак и говорит ему: «Ступай же ты к своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видел. Пускай он покорается, а не покорится, так и его погубим». И отпустил Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли в большую реку Тобол и всё к Сибири городу приближаются. Подплыли они к речке Бабасан, смотрят — на берегу городок стоит, и кругом городка татар много.

Послали они переводчика к татарам — узнать, что за люди. Приходит назад переводчик, говорит: «Это войско Кучумово собралось. А начальником над войском сам зять Кучумов — Маметкул. Он меня призывал и велел вам сказать, чтобы вы назад шли, а то он вас перебьёт».

Ермак собрал казаков, вышел на берег и начал стрелять в татар. Как услыхали татары пальбу, так и побежали. Стали их казаки догонять и каких перебили, а каких забрали. Насилу сам Маметкул ушёл.

Поплыли казаки дальше. Выплыли в широкую, быструю реку Иртыш. По Иртышу-реке проплыли день, подплыли к городку хорошему и остановились. Пошли казаки в городок. Только стали подходить, начали в них татары стрелы пускать и поранили трёх казаков. Послал Ермак переводчиков сказать татарам, чтобы сдали город, а то всех перебьют. Переводчик пошёл, вернулся и говорит: «Тут живёт Кучумов слуга Атик-Мурза-Качара. У него силы много, и он говорит, что не сдаст городка».

Ермак собрал казаков и говорит:

— Ну, ребята, если не возьмём этого городка, татары запируют. И нам ходу не дадут. Что скорее страха зададим, то нам легче будет. Выходи все. Кидайся все разом.

Так и сделали. Татар много тут было, и татары лихие.

Как бросились казаки, стали татары стрелять из луков. Засыпали казаков стрелами. Которых до смерти перебили, которых перераниили.

Озлились и казаки, добрались до татар и, какие попались, всех перебили.

В городке этом нашли казаки много добра, скотины, ковров, мехов и мёду много. Похоронили мёртвых, отдохнули, забрали добро с собой и поплыли дальше. Недалеко проплыли, смотрят — на берегу как город стоит, войска конца-края не видать, и всё войско окопано канавой, и канава лесом завалена.

Остановились казаки, стали думать. Собрал Ермак круг. «Ну, что, ребята, как быть?»

Казаки заробели. Одни говорят: надо мимо плыть, другие говорят: назад итти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорят: «Зачем ты нас завёл сюда?

Вот перебили уже из нас сколько да переранили, и все мы тут пропадем». Стали плакать.

Ермак и говорит своему подъатаманью Ивану Кольцо: «Ну; а ты, Ваня, как думаешь?» А Кольцо и говорит: «А я что думаю? Не нынче убьют, так завтра, а не завтра, так даром на печи помрём. По мне — выйти на берег да и валить прямо лавой на татар — что бог даст».

Ермак и говорит: «Ай; молодец; Ваня! Так и надо. Эх, вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно, белужину ловить да баб татарских пугать, только на то вас и взять. Разве не видите сами? Назад итти — перебьют, мимо плыть — перебьют, здесь стоять — перебьют. Куда же нам попятиться? Раз потрудиться,— после полегчает. Так-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Как под горку— везёт, и по ровному везёт; а как придётся в гору — заноровится, назад воротит, думает, легче будет. Так взял батюшка кол, возил, возил, её колом-то. Уж она крутилась, билась, всю телегу разбила. Выпряг её батюшка из воза и ободрал. А везла бы воз, никакой муки не видала. Так-то и нам; ребята. Одно только место осталось — прямо на татар ломить».

Засмеялись казаки, говорят: «Видно, ты, Тимофеич, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди; куда знаешь. Двух смертей не бывать, а одной не миновать». Ермак и говорит: «Ну, слушай, ребята! Вот как делать. Они ещё нас всех не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни в середину прямо на них пойдут; а другие две кучки в обход зайдут справа и слева. Вот как станут средние подходить, они подумают; что мы все тут; выскочат. А тогда с боков и ударим. Так-то, ребята. А этих перебьём, уж бояться некого, — царями сами будем».

Так и сделали. Как пошли средние с Ермаком, татары завизжали, выскочили, тут ударили — справа Иван Кольцо, слева — Мещеряк-атаман. Испугались татары, побежали. Перебили их казаки. Тут уж Ермаку никто противиться не смел. И так он вошёл в самый город Сибирь. И засел там Ермак — всё равно как царем.

Стали приезжать к Ермаку царьки с поклонами. Стали татары приезжать селиться в Сибири, а Кучум с зятем Маметкулом боялись на Ермака прямо итти, а только кругом ходили, придумывали, как бы его погубить.

Весною по водополью прибежали к Ермаку татары, говорят: «Маметкул опять, на тебя идёт; собрал войска много; стоит на Вагае реке».

Ермак собрался через реки, болота, ручьи леса, подкрался с казаками, бросился на Маметкула и побил много татар, и самого Маметкула забрал живьём и привёз в Сибирь. Тут уж мало немирных татар осталось, а какие не покорялись, на тех Ермак ходил в это лето, и по Иртышу, и по Оби-рекам завоевал Ермак столько земли, что в два месяца не обойдёшь.

Как забрал Ермак всю эту землю, послал Ермак посла к Строгановым и письмо: «Я, говорит, Кучума город взял и Маметкула в плен забрал, и весь

здешний народ под свою руку привёл. Только казаков много истратилось. Присылайте народа, чтобы нам веселее было. А добра в здешней земле и конца нету.

И послал он дорогих мехов: лисиц, куниц и соболей.

Прошло тому делу два года. Ермак всё держал Сибирь, а помощь из России всё не приходила, и стало у Ермака мало русского народа.

Прислал раз к Ермаку татарин Карача посла, говорит: «Мы тебе покорились, а нас ногайцы обижают, — пришли к нам своих молодцов на помощь. Мы вместе ногайцев покорим. А что мы твоих молодцов не обидим, так мы тебе клятву дадим».

Ермак поверил их клятве и отпустил с Иваном Кольцом 40 человек. Как пришли эти сорок человек, татары бросились на них и побили, казаков ещё меньше стало.

Послали другой раз бухарские купцы весть Ермаку, что они собрались к нему в Сибирь-город товары везти, да что им на дороге Кучум с войском стоит и не пускает их пройти.

Ермак взял с собою 50 человек и пошел очистить дорогу бухарцам. Пришёл он к Иртышу реке, не нашёл бухарцев. Остановился ночевать. Ночь тёмная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонных, начали их бить. Вскочил Ермак, стал биться. Ранили его ножом в руку. Бросился он бежать к реке. Татары за ним. Он в реку,—только его и видели. И тела его не нашли, и никто не узнал, как он умер.

На другой год пришло царское войско, и татары замирились.

К. Рылеев

СМЕРТЬ ЕРМАКА

(ПЕСНЯ)

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали, близ дубравы.
«О, спите, спите» — мнил Герой —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущий!

«Вам нужен отдых, сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит,
В мечтах напомнит славу он

И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая:
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни,
И за победы заслужив
Благословения отчизны —
Нам смерть не может быть страшна;
Своё мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!» —

Но роковой его удел
Уже сидел с Героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег козачьи челны.
С вождём покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с Героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает,
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает ...

Плывёт... уж близко челнока, —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с яростью волною
Тяжёлый панцырь! — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии ещё сверкали,
И гром вдали ещё гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Д. Мамин-Сибиряк

Немного повыше Кыновской пристани в Чусовую впадает небольшая горная речка Серебрянка, которая получила историческую известность благодаря знаменитому походу Ермака в Сибирь. Как известно, этот смелый завоеватель поднялся со своей небольшой армией вверх по Чусовой только до впадения в неё Серебрянки, а затем пошёл уже этой последней рекой, чтобы перевалить из неё в реку Журавлик, уже принадлежавшую к бассейну Оби. Волок между Серебрянкой и Журавликом всего в несколько верст, и, как сохранилось предание, Ермак зимовал на нём. Всё это происходило в 1580—1581 гг., то-есть ровно триста лет тому назад[1].

Чусовая была русской рекой только в низовьях, а её средняя часть и верховья были заняты вогулами и остяками. Первым русским поселенцам приходилось много воевать с этими инородцами, которые постоянно беспокоили русские деревни и даже города неожиданными нападениями. Много было пролито крови с той и с другой стороны, пока Сибирское царство окончательно не было завоевано и пока таким образом враждовавшие с нами инородцы не были вынуждены помириться с русским подданством.

Поход Ермака, сопряжённый с страшными трудностями и постоянными опасностями, обессмертил его имя, а завоевание Сибирского царства навсегда

[1] Мамин-Сибиряк писал эти строки в 1881 г.

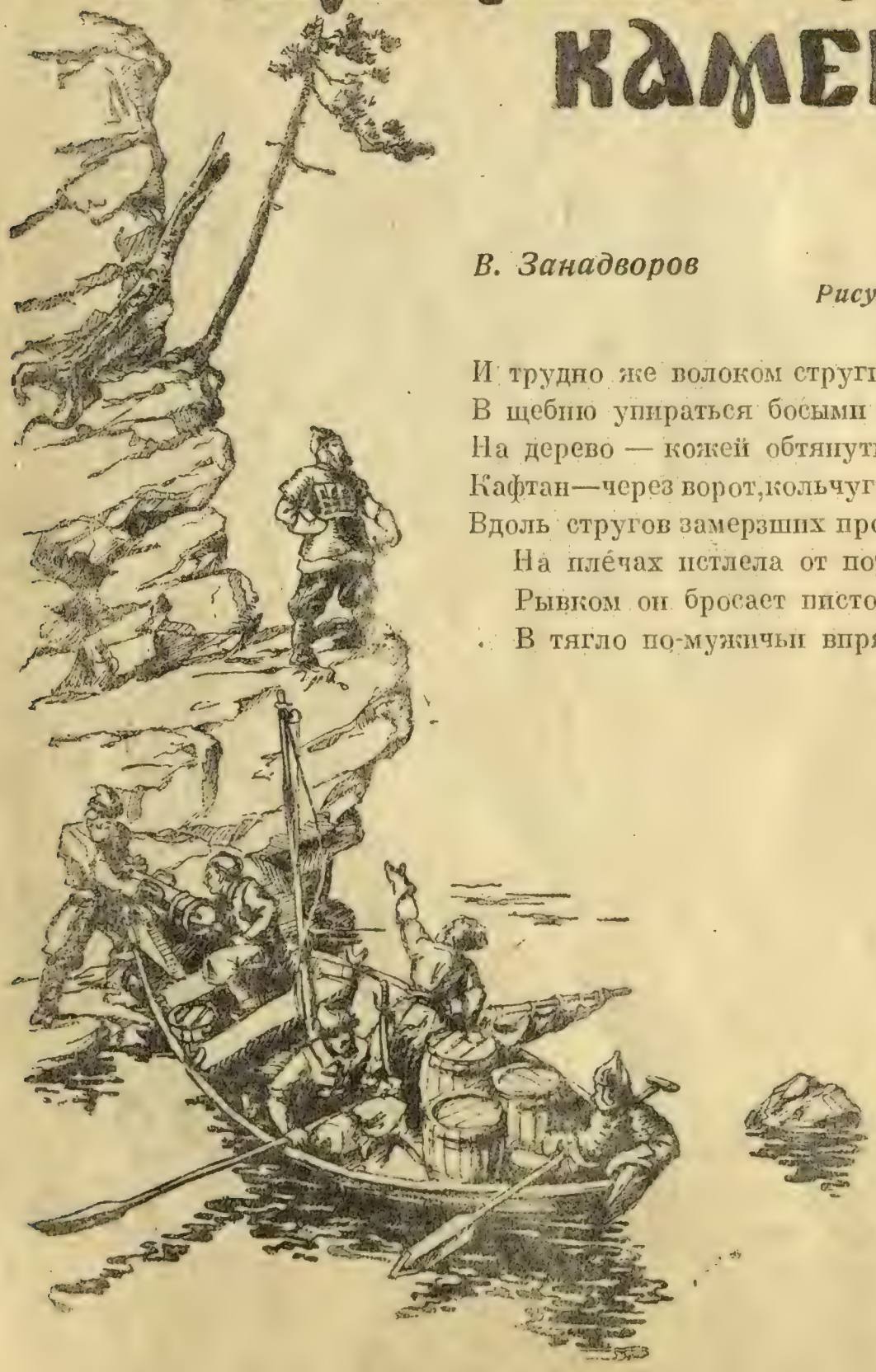
закрепило его славу в народной памяти. Простой народ присоединил Ермака к своим старым, самым любимым богатырям! — Илье Муромцу, Добрыне Никитичу, Алёше Поповичу. Вот как поёт о походе Ермака народная былина:

По Серебряной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили тут лодки-коломенки:
На той Баранчинской переволоке,
Одну тащили, да надселися, там её и покинули
Тут увидели они Баранчу-реку,
Поделали боты сосновые да лодки-набойницы
Поплыли по той Баранче-реке
И скоро выплыли на Тагил-реку.
У того Медведя у каменя,
У Магнитной горы становилися
И делали большие коломенки,
Чтоб им можно всем убратися.
Жили они тут до дни троицына,
И были у них промыслы рыбные,
И тем они и кормилися.
А на другой стороне у них было плотбище:
Делали большие коломенки,
Чтобы можно им совсем убратися.
И поплыли по Тагил-реке...

Медведь-камень на реке Тагиле представляет собой одну из самых высоких гор Среднего Урала, и теперь ещё показывают место, где около него строил Ермак свои коломенки; то-есть такие же барки, на каких и теперь плавают по Чусовой.

Есть другая гора, с которой ещё теснее связана память об Ермаке: это Ермак-камень на Чусовой. Здесь, по преданию, в каменной пещере Ермак зимовал со своим войском, хотя такое предание и подвержено сомнению, потому что зимовать Ермаку на Чусовой не было никакого расчёта. По наружному виду Ермак-камень — самая обыкновенная скала, каких на Чусовой сотни, она опускается в реку отвесной стеной сажен в тридцать высоты. В этой скале и по сие время видно отверстие в пещеру, куда можно попасть только сверху, спустившись по верёвке. Рассказов об этой пещере много, но трудно отделить вымысел от правды. Когда проходят барки под Ермаком-камнем, бурлаки каждый раз кричат: «Ермак! Ермак!...» Эхо несколько раз повторяет каждое слово, и бурлаки уверены, что это откликается сам Ермак.

Тимофеев камень

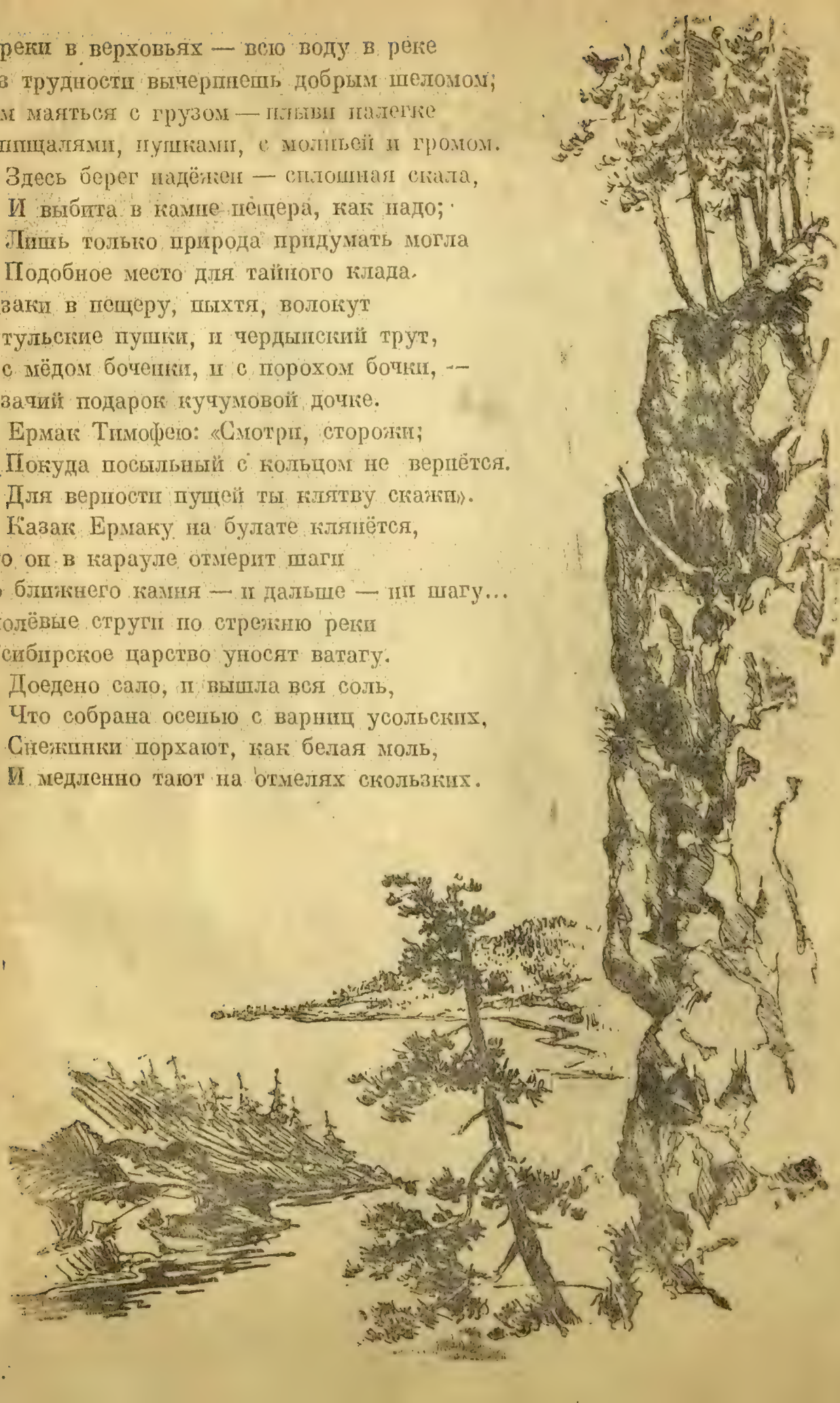


В. Занадворов

Рисунки В. Попов

И трудно же волоком струги тащить;
В щебню упираться босыми ногами...
На дерево — кожей обтянутый щит,
Кафтан—через ворот,кольчугу—на камень
Вдоль стругов замерзших проходит Ермак,
На плéчах истлела от пота одежда,
Рывком он бросает пистоль за кушак.
В тягло по-мужичьи впрягается тоже.

А реки в верховьях — всю воду в реке
Без трудности вычерпнешь добрым шеломом;
Чем маяться с грузом — плыви налегке
С пищалями, пушками, с молньей и громом.
Здесь берег надёжен — сплошная скала,
И выбита в камне пещера, как надо;
Лишь только природа придумать могла
Подобное место для тайного клада.
Казаки в пещеру, пыхтя, волокут
И тульские пушки, и чердынский трут,
И с мёдом боченки, и с порохом бочки, —
Казачий подарок кучумовой дочке.
Ермак Тимофею: «Смотри, стороди;
Покуда посыльный с кольцом не вернётся.
Для верности пущей ты клятву скажи».
Казак Ермаку на булате клянётся,
Что он в карауле отмерит шаги
До ближнего камня — и дальше — ни шагу...
Смолёвые струги по стрежню реки
В сибирское царство уносят ватагу.
Доедено сало, и вышла вся соль,
Что собрана осенью с варниц усольских,
Снежинки порхают, как белая моль,
И медленно тают на отмелях скользких.



Куда ни посмотришь — пустынна река,
С кольцом атаманьим не видно посланца,
А может и, нету в живых Ермака,
И только один он из войска остался?
Он варит в котле сыромятный ремень,
Готовит похлёбку из рубленой кожи,
Он сам и его изможденная тень,
Как два близнеца, друг на друга похожи.
И кажется — живы лишь только глаза,
Большие, с кругами, глядящие жадно...
И гнётся под ветром нагая лоза,
Не может свой стебель расправить обратно.
Он — вольный казак, и любые пути
Открыты как дверь пятистенки отцовой,
Но разве он может от клада уйти
Нарушить булатом скреплённое слово?
Однажды ватажка торговых гостей,
Скрываясь от ливня, здесь вышла на берег,
У входа, в пещеру на груде костей
Их встретил пустыми глазницами череп.
Над этой могилой не пролито слёз,
Креста не поставлено — внукам на память,
Над этой могилой вершину вознёс
Огромный, ветрами изъеденный камень.

ВАЖНЫЕ сведения

В избу, где находился штаб Н-ской авиачасти, зашёл мальчик. Он хотел говорить только с командиром и только с глазу на глаз. Когда все вышли, мальчик сказал, что он может дать очень важные сведения о немецком аэродроме.

— Откуда они тебе известны? — удивился командир.

— Я был на том аэродроме целую неделю.

— Ты живёшь там?

— Нет, я здешний, из соседнего села.

И Павлик рассказал удивительную историю. Ему очень хотелось помочь Красной Армии. С горечью смотрел он, как немецкие самолёты налетают на наши передовые части, на эшелоны, бомбят и расстреливают мирных жителей. Никому ничего не сказав, Павлик отправился искать вражеский аэродром. Долго ему пришлось итти, ориентируясь по направлению полётов вражеских «Юнкерсов» и «Мессершмиттов».

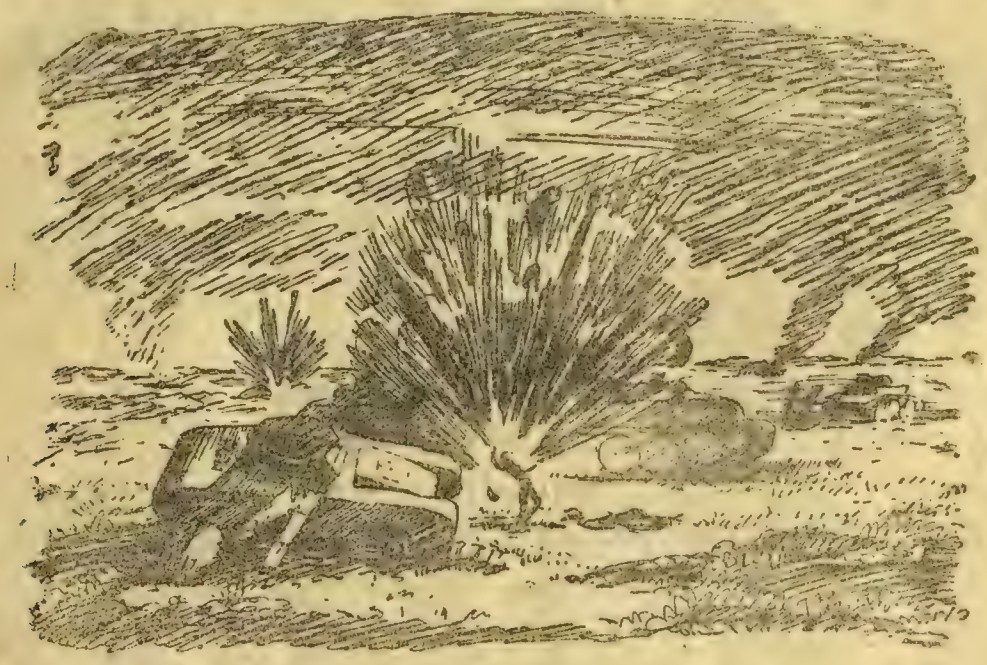
Наконец, возле одного бывшего районного центра он достиг цели своего путешествия. Павлик не ринулся сразу на разведку. Он поселился у одной старушки, перезнакомился со всеми деревенскими ребятами; организовал из них отряд, посвятил в свои планы, и началась работа. Мальчуганы то затевали игру в снежки, то начинали лыжные гонки на аэродроме. Немцы гонялись за ребятами и однажды поймали и больно высекли Павлика.

— Спасибо тебе, товарищ, за ценные сведения, — сказал серьёзно, как взрослому, командир Н-ской авиачасти. — Мы уже давно разыскиваем этот аэродром.

Мальчуган с мельчайшими подробностями, указывая расстояние в метрах, рассказал, где стоят «Юнкерсы», где «Мессершмитты», где на-

ходятся штаб аэродрома, столовая летчиков. Он точно сообщил, в скольких метрах от аэродрома находится бензохранилище.

На второй день лётчики совершили крупный налёт на вражеский аэродром. Он был полной неожиданностью для врага. Пять самолётов были подожжены прямо у бензозаправщиков. Всего уничтожено около 35 вражеских самолётов.



БОЙ С ТАНКАМИ

Рассказ гвардейца Петра Болото

Я сам из Донбасса родом. У меня долгие годы под землей прошли. И коногоном я был, и крепильщиком, и забойщиком вместе с братьями — Семёном и Дмитрием. Все трое под землёй трудились, а теперь все трое за эту землю воюем. Такая уже судьба у нашего семейства, вышла.

Я хочу рассказать, как мы вчетвером — Беликов, Самойлов, Алейников и я — с немецкими танками сражались.

Утро было. Только мы у себя в окопчиках за кашу сели, как нам кричат: танки! Я поставил кашу аккуратно, думаю: съем ещё. А у меня всё в окопе с той думкой вырыто, чтобы удобнее было: слева — для вещей разных полочка земляная, справа — для гранат. Только кашу отставил, действительно, танки идут. Только не на нас, а стороной, вижу, идут, обойти, наверное, нас хотят. И на первый раз всё очень быстро вышло.

Увидали мы первый танк. Я приложился, выстрелил. И слышу, Беликов тоже выстрелил. Танк не загорелся, но встал. Я ещё в это время других танков не увидал и говорю Алейникову:

— Гляди, бей немцев, как выскакивать будут!

Но тут второй танк подошёл и первый от нас собой закрыл. Так и стоял, пока в него экипаж с разбитого танка перелазил. Стали мы бить по второму танку, но тут у нас, наверное, промахи вышли: он стоял, стоял и дальше пошёл — не попали в него мы.

И тут они все один за другим мимо нас вдоль позиции пошли. Много их было. Я увидал, что много, и просто прямо ребятам сказал:

— Ну что же, за Родину, за Сталина, за жену, за детей — бей по гвардейскому закону! Если пропадём, так все зараз, а выживем — тоже все.

И мы оба ударили по третьему танку. Он загорелся. А огонь от них, прямо сказать, очень сильный был. Все они шли мимо нас и из пушек и пулеметов смолили, так что наш окоп землёй забрасывало — в глазах темно. Просто совсем рядом рвались снаряды ихние. Даже иногда самому удивительно бывало, что живу ещё. Справа от нас пулемёт стоял, так они его сразу на воздух подняли. То ли уже такое несчастье ему выпало, то ли трудов пожалел, в землю плохо залез, — уже не знаю. Только, как ударили, так он зараз и погиб, замолчал. А мы ничего, — живые сидим. У нас окопы удобные были, подходящие.

Третий танк так свечой загорелся, что даже никто и не выпрыгнул из него. Я это вижу и Беликову кричу из окопа в окоп:

— Ну, как ты, ничего?

— А ты?

— А я тоже ничего.

— Ну, — говорю, — значит, и хорошо.

Такой мы с ним короткий разговор всё время вели для бодрости духа. Но по обличию видать было, что никто не бледнел, цвета лица не терял.

После этого мы по четвёртому танку ударили, — он встал. Но их ещё много сзади шло, так что переживания у нас были всё время трудноватые. Но мы всё-таки разговаривали друг с другом, перекрикивались.

И в это время на нас ихний самолёт «Рама» пикировать стал. Пикирует и пикирует, и до того эта «Рама» пикировала, что всё ложился я, ложился, а потом вскочил на ноги, потому что уже сил моих не было, и стал ему по конногонской привычке разные слова кричать. Потом «Рама» улетела, а танки всё идут и идут.

Сильная была жара, меня всего потом заливало. А тут ещё ружьё от стрельбы раскалилось, пришлось мне с себя пилотку снять и через пилотку за ружьё браться, потому что иначе руку обжигаешь.

А танки всё идут и идут. И до того ружьё раскалилось, что при-

шлось мне уже с Беликовым по очереди стрелять, через раз — то я, то он. Так и продолжалось у нас дело, бились мы с танками весь день. Я стреляю, стреляю, погляжу на Алейникова — вижу, он в лице немного сменился. Ясно, хотя и гвардеец, но парень ещё молодой.

Я говорю:

— Алейник! не журись! Не журись, всё равно оба живы будем.

А Беликов мне из своего окопа кричит:

— Смотри, Болото, не промахивайся!

А я и сам стараюсь: знаю, что нам промахиваться нельзя, потому что как раз промахнёшься, так нам всем за одно конец света будет.

А танки всё ближе к нам подходили, мы их старались не допустить. А огонь от них всё сильнее. И мы решили между собой: либо жить, либо умереть, но в плен не отдаваться.

И я тут увидел, что Беликов от ружья оторвался и что-то на бумажке пишет. Я говорю ему:

— Что ты пишешь?

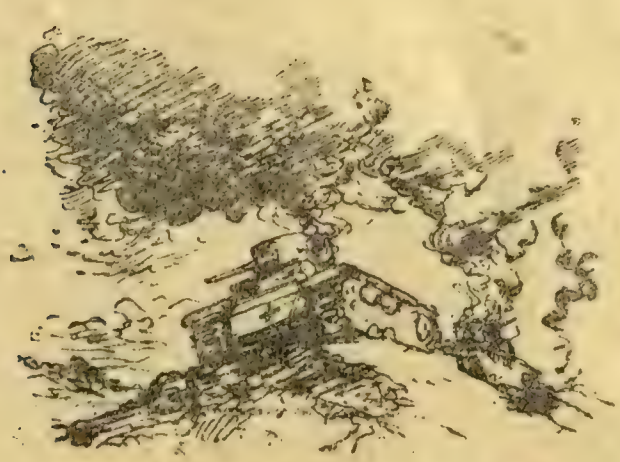
Он говорит:

— Я боевой листок пишу. За всех нас четверых, что бьёмся по-гвардейски и не отдадимся живыми. Пусть от нас память будет, может наши придут и найдут.

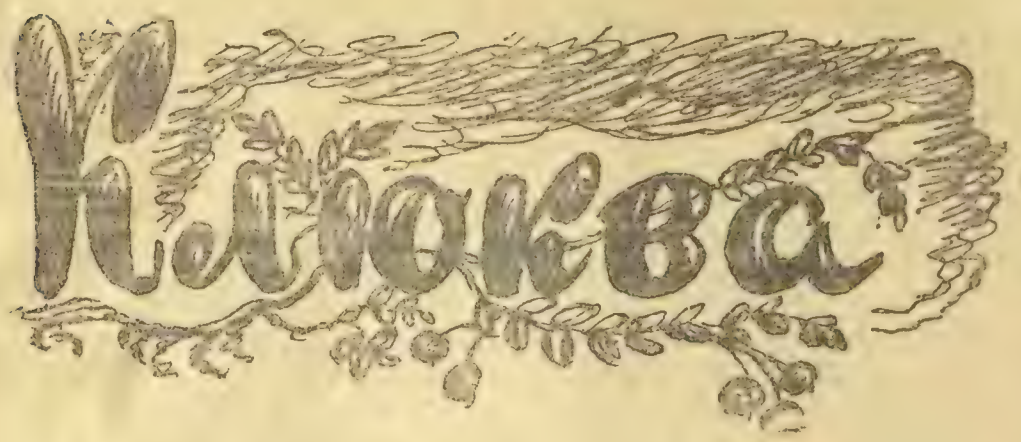
К той минуте мы пятнадцать танков подбили. Они все перед нами в поле; в бурьяне стояли. Часть — погоревшие, а часть так просто — встали и ни с места. Уже смеркаться начинало, темнота пошла. Остальные танки, которые двигались, начали вправо и влево заворачивать.

Так мы их атаку с твёрдым гвардейским духом отбили и все четверо живые.

Вот какой у нас бой был.



ДЛЯ МАЛЫШЕЙ



Евгения Трутнева

Мох не мох в лесу—перинка,
На перинке не малинка...
И пригожа, и красна
Разрумянилась со сна,—
Это клюква-лежебока
Накопила столько сока,
Целый день лежит в постели,
Чтобы щёчки не худели.
Тоньше нитки стебелёк,—
Чуть подрос и сразу лёг.
В колкой ёлке свистнет дрозд,
Будет больше в небе звёзд,
Соберутся журавли
С нашей северной земли.
На застывшее болото
Ляжет сонная дремота,—
Собирай тогда в корзинки
Клюкву-ягоду с перинки.

124381

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

К. Мурзиди — Про войну *(стих.)* 3
Л. Младко — Наша Элька *(рассказ)* 5
И. Карпаухова — У нас в лагере 17
О. Высотская — В огород мы приходили *(стих.)* 23
Оксана Иваницко — Школа 24
Б. Дижур — Монтер *(стих.)* 29
Б. Рябинин — Олений камень 33
Илья Садофьев — Ветер *(стих.)* 41
Е. Ружанский — Бабушка 43
М. Шагинян — Русалочки. Витя-быстроручка 47
К. Мурзиди — Мушкетеры *(стих.)* 50
А. Крутиков — Митька столяр 52

НА УРАЛЕ

Е. Пермяк — Город бумаги и нефти 58
Г. Вахрушев — Подземное путешествие 61
Б. Дижур — Фонарь земли 66

НАШЕ ПРОШЛОЕ

К. Свердлова — Маевки на Урале 75
Л. Толстой — Ермак 80
К. Рылеев — Смерть Ермака *(стих.)* 87
Д. Мамин-Сибиряк — Ермаковы места на Урале 90
В. Занадворов — Тимофеев камень *(стих.)* 92

ВОЕННЫЕ БЫЛИ

Важные сведения 95
Бой с танками 96

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Е. Трутнева — Клюква *(стих.)* 99

SOBD
10672151